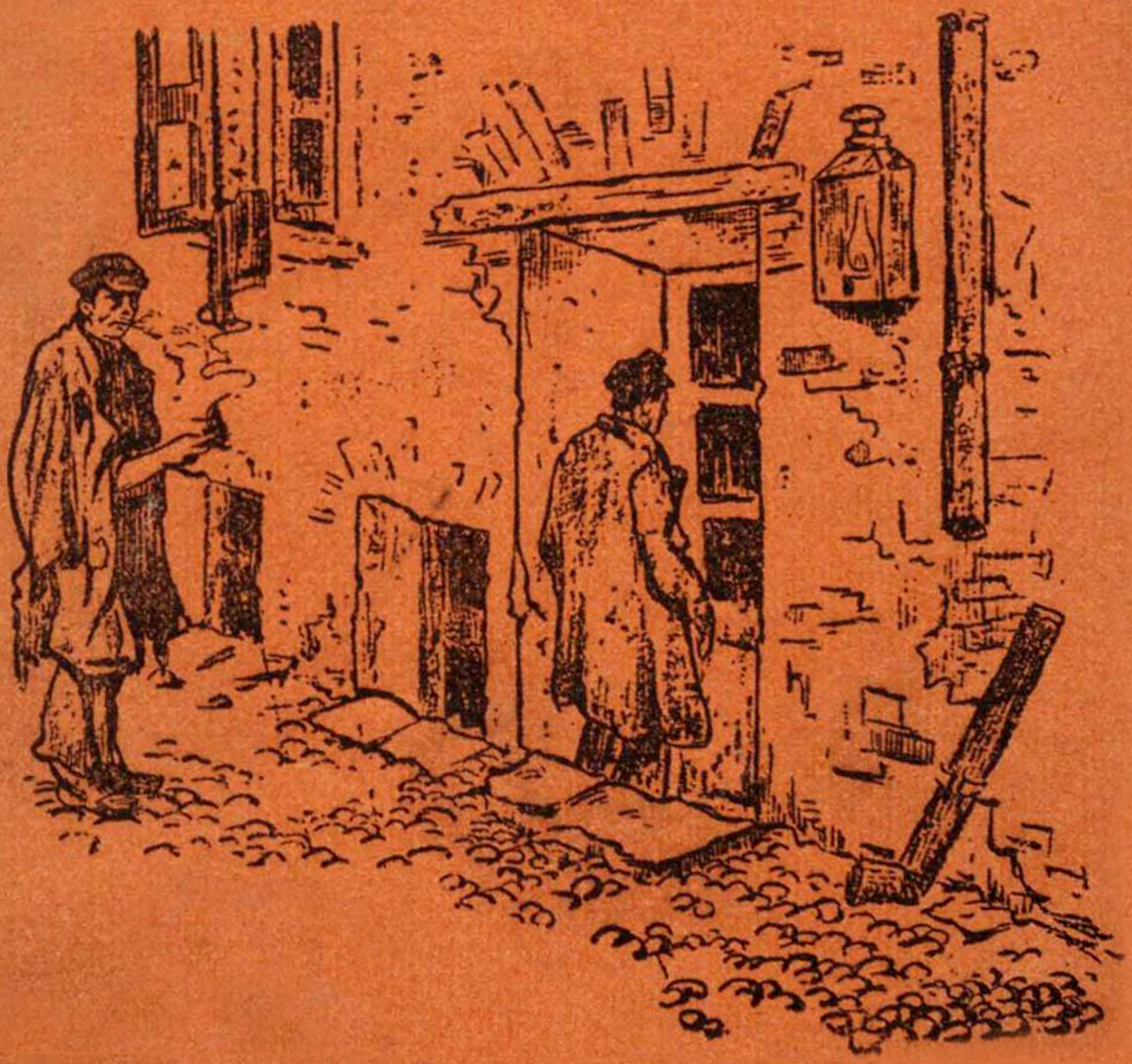
Г. ВИЛЛІАМЪ.

ХИТРОВСКІЙ АЛЬБОМЪ



Алексѣй Евгеньевичъ
ГРУЗИНСКІЙ.

Т. Вилліамъ.

ХИТРОВСКІЙ АЛЬБОМЪ.

МОСКВА.
Типографія Московск. Городск. Дома Трудолюбія и Работнаго Дома.
Сокольники, Ермаковская ул., д. № 3.
1909.

НЕУДАВШІЙСЯ МЕДИКЪ.

Познакомился я съ нимъ въ хмурое зимнее утро въ особенно непривѣтливой въ это время ночлежкѣ, или, какъ ее называютъ на Хитровкѣ, въ „нумерѣ“ 13, знаменитаго дома Кулакова, отъ подваловъ до чердаковъ населеннаго ворами, нищими, „дѣвицами“ и сутенерами.

Онъ сидѣлъ на табуреткѣ, въ пространствѣ между двумя вынутыми изъ паръ досками, худой, съ угловатымъ лицомъ, съ виснувшими внизъ усами, съ жесткой щетиной „ершомъ“ на головѣ. Сидѣлъ и, уставившись мутными, словно плавающими въ какой-то жидкости, глазами на четвертушку бумаги, выводилъ красивымъ курсивомъ одноактный водевиль для театральной библіотеки. И неистово ругался при этомъ.

— Писатели! Дери васъ горой и съ тѣми дураками, которые васъ ставятъ!..

Я свѣсилъ ноги въ его „кабинетъ“, какъ онъ величаетъ свою щель, и стараюсь его урезонить. Но онъ свирѣпо вскидываетъ на меня свои водянистые глаза и разражается цѣлой рѣчью:

— Да, помилуйте! Вѣдь я человѣчеству пользу

принести мечталъ и вмѣсто этого вожусь вонъ съ какой, извините за выраженіе, дрянью...

— Какъ же это вы?—спросилъ я.—Изучали медицину, какъ говорите, а угодили сюда?

— „Какъ дошелъ я до жизни такой", хотите вы, иными словами говоря, узнать? Ничего тутъ любопытнаго нѣтъ.

— Однако?—настаивалъ я.

Онъ сердито встопорщилъ свои жесткіе усы.

— Когда я поступилъ на медицинскій факультетъ, такъ цѣлый годъ говядины не ѣлъ, послѣ того, какъ въ анатомическомъ театрѣ выпотрошеннаго мертвеца увидалъ. Только-что, бывало, возьмешь кусокъ въ ротъ и сейчасъ все вонъ,—рвота. Ну, и надоѣло мнѣ, въ концѣ концовъ, этакое воздержаніе. Я вышелъ изъ университета... кстати еще потому, что непобѣдимое отвращеніе къ наукамъ, вообще, еще съ гимназіи заполучилъ. Повѣрите-ли, до сихъ поръ не могу вспомнить безъ зубовнаго скрежета, какъ нашъ преподаватель латыни, онѣмечившійся чехъ Карлъ Леопольдовичъ Кельхъ во время урока у меня Донъ-Кихота Ламанчскаго секвестровалъ, усмотрѣвъ въ сходствѣ изображенія рыцаря Печальнаго Образа на обложкѣ книги съ его собственной харею пасквиль на свою особу! Мужъ этотъ, кромѣ того, такъ коверкалъ во время занятій съ нами, подъ видомъ обученія насъ, малоумныхъ, римскихъ авторовъ, даже Цезаря, что тотъ за одно его тевтонское произношеніе весь свой диктаторскій жезлъ объ его дурацкую башку обломалъ бы! Да что тамъ Кельхъ! Оды Пропорція и другія прелести,

отъ которыхъ водовозы краснѣютъ, меня, пятнадцатилѣтняго мальчугу зубрить заставляли! Изъ нихъ я впервые узналъ о мужеложествѣ, лесбійской любви, о свальномъ грѣхѣ!

Ну, вышелъ я изъ университета и сталъ уроками перебиваться... съ хлѣба на квасъ, какъ гласитъ народная мудрость. И въ скорости бросилъ: надоѣло за два синихъ билета въ мѣсяцъ потѣть надъ безмозглыми идіотами, а мальчишки, по-моему, всѣ идіоты, — и выслушивать комплименты отъ ихъ благонравныхъ родителей за то, что ругаться я отлично умѣю. Тогда насталъ голодъ. Правда, я и въ университетѣ голодалъ. Но тогда мои знакомые, къ которымъ я приходилъ, чтобы пообѣдать, даже почетное что-то въ моемъ голоданіи видѣли, а тутъ вдругъ прозрѣли и перестали меня принимать. Къ тому же времени и родичи мои попридохли и оставили мнѣ въ наслѣдство... фигу!

И тутъ случилось, что я пальто укралъ. У нѣмца, который меня пилюли „Смерть крысамъ“ обучалъ дѣлать. Онъ дѣлалъ ихъ изъ пшеничнаго первача на свиномъ салѣ... безъ примѣси яда. Это я на собственной шкурѣ испыталъ, потому что во время работы коробокъ двадцать этого „Смерть крысамъ“ съѣлъ. Ничего, вкусно, хоть бы и не крысамъ. Яду нѣмецъ въ нихъ не клалъ по той причинѣ, что вполнѣ основательно полагалъ, что чѣмъ больше будетъ крысъ, тѣмъ болѣе увеличится спросъ на его пилюли. Вотъ у него-то я пальто и сдербанилъ... въ наказаніе за то, что людей обманываетъ, а самъ только-что не бредилъ

пресловутой нѣмецкой честностью. А, впрочемъ, я голоденъ былъ... по обыкновенію. Ну, само-собой судъ, а тамъ тюрьма, потому исключительно, что я свою вину чистосердечно призналъ, а по тогдашнимъ временамъ этого безнаказанно оставлять не полагалось!

А потомъ что было? Я и игрушки мастерилъ, и самъ торговалъ ими на Толкучкѣ, въ конторахъ служилъ, крючникомъ на волжскихъ пристаняхъ ходилъ, въ Ташкентѣ кишь-мишь ѣлъ и на ишакахъ катался, на Бирючьей косѣ казацкую каторгу видѣлъ. Только медицинскія познанія свои всего разъ къ дѣлу приложить пришлось: при родахъ на степномъ уметѣ принималъ и премилый пупокъ новорожденному хуторянину соорудилъ... А то еще купецъ одинъ меня, пьянаго, нанялъ... исполнять его супружескія обязанности... За десять цѣлковыхъ. Понимаете? Я убить его хотѣлъ, когда проснулся, да онъ предупредительно въ спальню подносъ съ водкой и закусками подослалъ, ну я и опять напился... и деньги взялъ. Понимаете?

Когда же душу живу всю во мнѣ растоптали, въ клочья истерзали, я и затопился сюда, и нахожу, что лучше быть пьяницей въ ночлежкѣ, чѣмъ самодовольной гнидой въ господской передней. И вотъ уже четырнадцатый годъ населяю сей чертогъ.

Онъ съ дѣланнымъ самодовольствомъ обвелъ глазами унылыя, голыя стѣны, запотѣвшія окна, кое-гдѣ заклеенныя бумагой.

— Ну, а дальше что же вы думаете дѣлать?— не удержался я.

— Что думаю дѣлать? А вотъ кончу это геніальное произведеніе,—онъ пренебрежительно указалъ на водевиль, — получу деньги и возьмусь игрушечныхъ пѣтуховъ дѣлать... Перья есть: курицу дохлую сегодня на помойкѣ нашелъ, большую, дюжины на три хватитъ. Вотъ она, кормилица.

Онъ вытащилъ изъ подъ-своего сидѣнья взлохмаченную мертвую курицу и съ торжествомъ посмотрѣлъ на меня.

— Вотъ на что надежду возлагаемъ, послѣ идеаловъ-то о всеобщемъ благѣ,—на курицу!

Я поспѣшилъ проститься и уйти.

ФЕЛЬДШЕРИЦА.

Вечеръ. Женскій номеръ въ домѣ Кулакова. Обычная, ни съ чѣмъ несообразная по откровенности картина. На полу, на нарахъ, подъ нарами, всюду полуголыя женщины. Старыя и молодыя; много пьяныхъ. Между ними дѣти и... мужчины: „коты“ и „гости“, приведенные съ площади, изъ-подъ „балагана“.

Пока все это сравнительно прилично; ночью же тутъ нѣчто неподдающееся описанію. Помѣщеній отдѣльныхъ нѣтъ, парочки укладываются рядами, часто не имѣя чѣмъ прикрыться. И все это, несмотря на старанія администраціи изолировать женщинъ. Словно насмѣхъ.

Большинство этихъ женщинъ — пришедшія въ негодность или еще только-что начинающія „жрицы любви“. Это такъ. Чуть не всѣ проститутки прошли черезъ притоны нищеты раньше, чѣмъ попасть въ притоны разврата. И понятно почему. Нужда не сразу побѣждаетъ стыдливость.

Есть тутъ и женщины, живущія съ мужьями. Но больше всего „стрѣльчихъ“—отвратительныхъ старухъ — правда, глубоко несчастныхъ; это, въ

большинствѣ, состарившаяся домашняя прислуга, за инвалидностью сваленная доживать свои дни въ ночлежные дома. При „стрѣльчихахъ“ „коты“. Донельзя ободранные, мурластые молодые ребята, съ хриплыми голосами и, дѣйствительно, „безстыжими“ пьяными глазами. Живутъ они иждивеніемъ своихъ старушекъ и за это бьютъ ихъ страшно и безжалостно. Вообще, ужасно бьютъ женщинъ на Хитровомъ рынкѣ! До полусмерти, а иногда и совсѣмъ.

Среди этого гомонящаго, почесывающагося и отвратительно пахнущаго табора, часовъ около шести, ежедневно, появляется бѣдно, но по возможности опрятно одѣтая женщина съ отпечаткомъ несомнѣнной интеллигентности на лицѣ. Довольно полная и совершенно сѣдая. Но не отъ лѣтъ. Ей всего тридцать съ небольшимъ лѣтъ.

Это Д., бывшая фельдшерица. Насколько мнѣ извѣстно, единственная образованная женщина,— я разумѣю спеціальное образованіе, — на Хитровомъ рынкѣ.

Въ свое время она окончила акушерскіе курсы, работала нѣсколько лѣтъ въ больницахъ, потомъ подготовилась и выдержала экзаменъ на фельдшерицу.

Въ молодости она вышла замужъ за одного конторщика и изъ-за него попала на Хитровку.

Тутъ цѣлая, если хотите, трагедія. Мужъ, больной, совершенно никуда не годный алкоголикъ, отвратительно нечистоплотный и жалкій. И ей, абсолютно трезвой женщинѣ, жалко оставить его одного погибать въ клоакѣ. Съ нимъ же вмѣстѣ

она уже пробовала выходить. Она работала, а онъ пилъ. Потомъ, пьяный, приходилъ на мѣсто ея службы и устраивалъ такіе дебоши, что ей приходилось отказывать. Теперь она работаетъ въ одномъ изъ женскихъ домовъ трудолюбія. На послѣднюю копѣйку покупаетъ мужу бѣлье, даетъ на пропитаніе. И всегда съ однимъ результатомъ: сначала пропьетъ принесенное ею, а потомъ, безотвязно, цѣлыми часами пристаетъ, чтобы она шла къ „воротамъ", т.-е. продала бы себя.

А. Д., ея мужъ, слишкомъ слабъ для того, чтобы ее бить. Поэтому ограничивается только руганью. Раньше, конечно, не то было. Хотя она и не упоминаетъ о побояхъ, а просто говоритъ, разсказывая о прошломъ:

— Ужасъ, что было. Сначала, когда мы оба остались безъ дѣла и безъ пріюта, мѣсяца два мы на мостовой около Иверской часовни ночевали. Зимой. Озлобленъ онъ былъ страшно. Но все это ничего, одного только я ему забыть не могу. Анюту, нашу дочь. Продалъ онъ ее, и до сихъ поръ не знаю—кому. И, главное, — 7 лѣтъ отъ роду!

Раньше я не подумала бы, чтобы 7-лѣтняго ребенка могли купить съ цѣлью разврата. Теперь, когда я каждый день вижу вокругъ себя дѣтей-воровъ-профессіоналовъ, дѣтей-проститутокъ, я начинаю подозрѣвать, что продалъ онъ ее какому-нибудь сластолюбцу. Есть такіе. Я сама многихъ видѣла, когда они здѣсь за дѣтьми охотятся. Даже матерей знаю, которыя имъ дочекъ своихъ продали.

Пробирается рано состарившаяся, несчастная женщина подъ балаганомъ. Фигура у нея крѣпкая, видная; сѣдина платкомъ скрыта. И со всѣхъ сторонъ льнутъ къ ней голодные, полупьяные „коты“. Грязныя, совсѣмъ откровенныя предложенія сыплются. Иногда и угрозы раздаются:

— Ишь, фря, фордыбачитъ!..

Особенно отъ женщинъ, профессіональныхъ хитровскихъ проститутокъ, достается. Ненавидятъ ее мѣстныя красавицы ужасно.

Послѣ трудового дня встрѣча съ несчастнымъ мужемъ. Едва ли радостная. Сама она такъ опредѣляетъ свои отношенія къ нему.

— Вотъ, говорятъ, умретъ онъ, тогда свободна будете, заживете. Не понимаютъ того, что какъ я его смерть перенесу, когда я изъ-за состраданія къ нему въ этомъ аду живу?

Гдѣ тутъ выходъ? По-моему нѣтъ его, а есть одно только страданіе безъ конца.

И какъ-то жутко становится при видѣ такой, скрытой отъ всѣхъ глубокой жизненной драмы.

„БАЛДА“.

Кишмя кишитъ оборванный людъ около „Ручкина“ въ ожиданіи безплатнаго обѣда.

Стрекаловская столовая общества поощренія трудолюбія ежедневно кормитъ на средства доброхотныхъ жертвователей человѣкъ двѣсти голодныхъ „заздравными“ и „поминальными“ обѣдами, прибавляя къ нимъ кое-когда еще бѣлую булку, пару шерстяныхъ чулокъ или даже пятачокъ деньгами.

И вотъ, около 11 часовъ, когда начинаютъ „кормить“ и отъ харчевенъ по Хитровской площади, гдѣ происходитъ тоже заздравно-поминальное кормленіе, несутся рѣзкіе призывные свистки,— въ переулкѣ, вблизи столовой, получается слѣдующая картина.

Стоитъ и колышется, какъ одно огромное тѣло, толпа плотно прижавшихся другъ къ другу, положительно слипшихся, оборванцевъ. Впереди дворники, здоровые ребята, спеціалисты по части укрощенія, сдерживаютъ напоръ голодной массы. За ними жадные ряды трясущихся стариковъ и женщинъ; позади пестрая, общая масса и всюду,

какъ бѣсенята, юлятъ мальчишки, „огольцы“, какъ ихъ величаютъ на Хитровомъ.

А въ сторонкѣ чинно выжидаютъ „платнаго“ обѣда на выносъ болѣе обстоятельные съ ведерками, жестянками и еще какой-то посудой, чуть ли не поломанными ламповыми стеклами въ рукахъ. Платныхъ пускаютъ внѣ очереди, и за пятачокъ даютъ варева столько, что впору съѣсть двоимъ.

Несмотря на такую дешевизну и сравнительное удобство, желающихъ покушать за свой пятачокъ немного. И не потому, что на „Мудромъ“ рынкѣ дорогъ пятачокъ, а потому, во-первыхъ, что досугъ есть, а, во-вторыхъ, потому, что хожденіе по столовымъ для многихъ—настоящая профессія.

Утромъ такой дѣятель, набирая по дорогѣ „саватейки“ по булочнымъ, стремглавъ несется въ Горбовскую „кухню“, оттуда на завтракъ къ какому-то монаху изъ Николо-Угрѣшскаго монастыря, гдѣ подаютъ рыбу, квасъ и хлѣбъ; далѣе стремится онъ къ „Горлецкому“ (тоже безплатная столовая), потомъ къ „Ручкину“ — въ Стрекаловскую, и многіе еще успѣваютъ попасть за Москву-рѣку, къ „Рябушинскому“.

И за близостью разстоянія одной столовой отъ другой „профессіоналъ“ успѣваетъ до 2-хъ часовъ обѣгать ихъ всѣ.

Такъ какъ съѣсть такую уйму обѣдовъ, само собой разумѣется, невѣроятно, то и старается онъ исключительно ради пайка хлѣба, цѣна которому на Хитровомъ 2 копейки. И вотъ, удалось побывать въ трехъ столовыхъ, значитъ имѣешь въ рукахъ 6 коп., а то и больше, и къ 3 часамъ мо-

жешь тянуть на ночлегъ въ одинъ изъ ближайшихъ ночлежныхъ домовъ, гдѣ къ этому времени начинается „впускъ“.

Люди благороднаго происхожденія или профессіи, какъ и всюду на свѣтѣ, пользуются нѣкоторыми привилегіями на „Мудромъ“ рынкѣ.

Мѣстные нотабли подаютъ прошеніе администраціи безплатной столовой и имъ разрѣшается получать нѣсколько обѣдовъ внѣ очереди и отдѣльно отъ черни. И поэтому къ одинадцати часамъ рядомъ съ „платными“ ѣдоками выстраиваются еще ѣдоки, такъ сказать, особенные. Тутъ-то мнѣ и пришлось впервые познакомиться съ „Балдой“.

Стою я разъ въ крѣпкій морозъ около воротъ и наблюдаю обычную картину. Прыгаютъ полуголые люди съ одной ноги на другую, ежатся, жмутся другъ къ другу, ругаются. И, молча, почти-что съ достоинствомъ, мерзнутъ около стѣны привилегированные. А среди нихъ я вижу оригинальную фигуру. Высокій, довольно бодрый мужчина среднихъ лѣтъ, въ засаленномъ до лоска неопредѣленнаго типа облаченіи и съ головою... настоящаго лорда! И не „бывшаго“, а именно настоящаго. Высокій лобъ, бѣлое лицо, красивая рыжая борода и спокойная самоувѣренность во взорѣ. А въ рукахъ самодѣльная бадейка для „казенныхъ щей“...

Сошедшись ближе, я узналъ, что это блистательно знающій свое дѣло бухгалтеръ Т., ставившій, de facto, конечно, а не по служебному положенію, счетоводство въ работномъ домѣ. Былъ

тамъ, само собой, свой бухгалтеръ, но руководствовался онъ указаніями Т. во всемъ.

До этого Т. былъ главнымъ бухгалтеромъ въ одномъ изъ наиболѣе крупныхъ банковскихъ дѣлъ въ Россіи, обанкротившихся безъ печальныхъ для себя послѣдствій. И это по милости „Балды“.

— Самъ глафъ Витте,—картаво разсказывалъ мнѣ Т. неоднократно подъ-хмелькомъ,—когда представилъ я балансъ и книги, два дня и двѣ ночи надъ ними сидѣлъ и меня отъ себя не отпускалъ. А подъ конецъ говоритъ: „Нѣтъ, мерзавецъ вы, Т., а, надо вамъ отдать справедливость, спасли вашихъ директоровъ отъ Сибири“.

Такихъ счетоводовъ у насъ, въ Россіи, конечно, разъ-два и обчелся. И Т. могъ бы загребать деньгу тысячами. Да онъ и загребалъ ее, пока... не пристрастился къ церковному пѣнію... Выпить онъ и до этого былъ не дуракъ, а тутъ, когда вообразилъ, что басъ у него не хуже Шаляпинскаго и что съ церковнаго клироса онъ угодитъ въ міровыя знаменитости, и при первомъ же дебютѣ срѣзался отчаянно,—онъ запилъ въ общепринятомъ смыслѣ этого слова. Сталъ пить мертвую, а въ пьяномъ видѣ ходилъ по знакомымъ и спрашивалъ, каковъ у него басъ? И, разумѣется, доходился.

Когда онъ совершенно опустился и проживалъ, пьяный и голодный, въ сообществѣ какой-то „Машки“—въ его произношеніи „Маски“, особы невѣроятно смиренной и тощей, онъ получилъ однажды приглашеніе поступить въ одну фирму, очень солидную. Жалованья предлагали на первое

время 300 рублей въ мѣсяцъ. Дѣло онъ зналъ: служилъ тамъ ранѣе. Его положеніе и странность тоже были извѣстны приглашавшимъ. Казалось, чего бы еще?

Но онъ отказался.

— Маска не пускаетъ!—шутилъ онъ.

Но на самомъ дѣлѣ помѣхою являлась, конечно, не Машка, а... неоправдавшій надеждъ басъ и неувѣренность въ своихъ силахъ.

Когда товарищи по несчастью узнали, что онъ отказался, у одного изъ нихъ невольно сорвалось съ языка: „Балда!“.

Т. оглянулся на говорившаго и погрозилъ ему кулакомъ. Но это не помогло, и кличка твердо укрѣпилась за нимъ.

Теперь онъ охотно откликается на нее и, пожалуй, не откликнулся бы, назови его, попрежнему, его настоящимъ именемъ.

„БАЙРАМЪ“.

У дверей „нумера“, гдѣ жили писаря, встрѣтилъ меня подметало Добросовѣстный, больной старикъ, съ желтымъ лицомъ скопца.

— Не ходи. У нихъ нынче „байрамъ“.

— Это что-же?—удивился я.

— Деньги получили, ну и „байрамъ“: праздникъ, стало быть,—пояснилъ Добросовѣстный.

Но когда я вошелъ, то увидѣлъ, что къ „байраму“ шли только дѣятельныя приготовленія.

Виновникъ торжества, высокій и плотный Б., мой старый знакомый по работному дому, отдавалъ приказанія.

— Вотъ,—говорилъ онъ, выкладывая монету,—это водка, это вотъ закуска. Ну, живо! Лупите, братцы, скорѣе за закуской!

Около него угодливо суетились писаря, т.-е., по-просту говоря, лица, существующія на Хитровомъ рынкѣ перепиской главнымъ образомъ пьесъ и ролей для театральной библіотеки.

— Ты-бы сѣлъ, Б., вѣдь съ самаго утра на ногахъ,—говорилъ одинъ, притаскивая скамейку.

— И въ самомъ дѣлѣ: вѣдь съ пяти часовъ!—

съ притворнымъ участіемъ поддакивалъ другой.— Право, садись, Б.

Б. наскоро поздоровался со мной и сѣлъ, съ озабоченнымъ видомъ поглаживая лысину. Когда принесли водку и закуску, онъ отдѣлилъ себѣ около бутылки, взялъ горсточку „бульонки“ и удалился подъ нары, гдѣ у него было устроено что-то вродѣ шатра изъ старыхъ рогожъ. Усѣвшись, онъ повелъ оттуда рѣчь. Писаря слушали, поминутно нагибая головы къ нему подъ нары и выпивая по-очереди водку изъ жестяной кружечки.

— Все по-порядку, товарищи. Вышелъ я давеча отсюда съ одной мыслью: во что-бы то ни стало перемѣнить участь. Рѣшилъ выйти за заставу, лечь въ сугробъ и лежать, пока не замерзну. Или, если не осилю, окно въ магазинѣ разбить, даже просто снять штаны и пойти по Кузнецкому стрѣлять. Осточертѣло мнѣ здѣсь, да и все.

Вышелъ на бульваръ, сѣлъ на лавочку, свертываю курить. И вдругъ подходитъ ко мнѣ этакая особа: шуба, бобровая шапка, лосиныя перчатки и садится рядомъ. Кто-бы это, думаю, могъ быть? Кому такая охота таскаться въ пять часовъ по бульварамъ? Безусловно, сыщикъ.

И вдругъ онъ обращается:

— Что это вы на меня смотрите? Знакомы, можетъ-быть?

Посмотрѣлъ я на него попристальнѣе да такъ, и замеръ: и родился, и крестился, а никогда я такихъ глазъ не видалъ, товарищи! Чистые, ясные, какъ у ребенка. Самому неловко сдѣлалось, что

смотрю на него, какъ баранъ на новыя ворота, а оторваться не могу.

— Что это вы?—спрашиваетъ еще разъ.

А я про себя соображаю:

„Нѣтъ, не можетъ быть, чтобы сыщикъ... съ такими глазами!“

А потомъ, само собой:

— Глаза,—говорю,—у васъ странные. Не видалъ я такихъ отроду, оттого и смотрю.

— Такъ...—говоритъ.

Ну, а потомъ, слово за слово, разговорились. Разговоръ-же у нашего брата извѣстный: разсказываешь „судьбу“, людей бранишь, о собственной мерзости ни гу-гу и норовишь свести бесѣду къ тому, чтобы стрѣльнуть благороднымъ манеромъ цѣлковый на построеніе косушки.

Вру я ему, а самъ искоса посматриваю: какое, молъ, получается впечатлѣніе? Да какъ увижу опять эти глаза его, такъ словно щипцами меня кто за сердце ущипнетъ.

— И зачѣмъ,—думаю,—я такому хорошему человѣку лгу? Ну, да ничего не пропишешь, значитъ, ужъ такая моя линія.

И вдругъ онъ спрашиваетъ:

— А водку вы пьете?

— Пью.

— То-есть, конечно, и я пью. А я хотѣлъ-бы знать, нѣтъ-ли у васъ, такъ-называемаго, червя?

— Червя нѣтъ. Пью, когда деньги есть.

Т.-е. головой себя выдалъ: сначала „судьбу“ разсказалъ, а потомъ подробное расписаніе—когда

пью! И вдругъ почуствовалъ, что больше двугривеннаго не дастъ ни за что.

Вмѣсто всего этого онъ называетъ себя и оказывается, ну... извѣстно, составитель кислыхъ щей... Много разъ мы его пьесы переписывали.

— Вотъ что,—говоритъ.—Вы мнѣ правду и я вамъ тоже. Хотите опять карабкаться наверхъ? Въ прежнюю жизнь?

— Какъ не хотѣть!

И даетъ онъ мнѣ тутъ денегъ на баню и свой адресъ.

Кое-какъ помылся я и къ нему. Смотрю, квартира богатая, подъѣздъ, швейцаръ, горничная въ переднюю выскочила. Потомъ выходитъ самъ и барыня съ нимъ молодая. Хорошенькая, прямо ангельчикъ. И прямо ко мнѣ.

— Это,—говоритъ,—моя жена.

Чуть я тогда не сбѣжалъ. Вѣдь я 8 лѣтъ безъ выхода въ этой ямѣ выжилъ и ничего, кромѣ пахабнаго обличья покойной Аграфены, не видывалъ, а тутъ, смотрю, барыня ручку бѣленькую мнѣ протягиваетъ...

Спасибо онъ поддержалъ: взялъ меня подъ руку и въ столовую. А тамъ завтракъ накрытъ, и онъ, не тѣмъ будь помянутъ, девять здоровенныхъ рюмокъ водки мнѣ закатилъ; видитъ, что оробѣлъ бывшій человѣкъ.

Послѣ завтрака они съ женой поѣхали мѣсто мнѣ хлопотать, а меня у себя въ кабинетѣ посадили и... не заперли, даже журналъ новенькій почитать довѣрили.

Сижу я въ кабинетѣ, и напало на меня раз-

думье. Просто, вся жизнь передъ глазами прошла. Мать къ чѣму-то вспомнилась, хотя и злющая она баба была. Дѣтская. Индо слеза прошибла. И вдругъ, поднимаю глаза, смотрю,— стоитъ передо мною старая барыня.

— Не плачьте,—говоритъ,—голубчикъ.

И рукой меня, сѣдая крыса, этакъ вотъ, по щетинамъ... Едва я удержался, леща ей въ бокъ не закатилъ. Посмотрѣлъ на нее, и видно, она поняла: только юбки ея въ дверяхъ зашуршали.

Черезъ часъ пріѣхалъ мой писатель одинъ, жену посѣялъ гдѣ-то. Веселый.

— Ну,—говоритъ,—вотъ вы и опять среди человѣковъ. Завтра идите въ земскую управу и подайте вотъ эту карточку швейцару. А пока...

Онъ полѣзъ въ кошелекъ, досталъ три красныхъ и покраснѣлъ, какъ дуракъ.

— Извините,— говоритъ,— пока вотъ все, что имѣю.

Ну, взялъ я деньги и сюда.

Б. замолкъ и, какъ черепаха, исчезъ въ своей мурьѣ. А въ нумерѣ тѣмъ временемъ „байрамъ„ разгорѣлся на славу. Двое бородатыхъ, до-нельзя разголенныхъ писарей сидѣли на полу и, выпучивъ глаза, тянулись на палкѣ. Подметало Добросовѣстный, совсѣмъ пьяный, приставалъ къ здоровенному подносчику кирпичей:

— Митричъ, давай стукнемся лбами? А? Чей крѣпче?.. Митричъ...

Я нагнулся подъ нары и окликнулъ Б.

А, вы еще не ушли, — обрадовался онъ. — Вамъ что?

— Что-же, пойдете вы завтра въ земскую управу по карточкѣ писателя? Если да, то не пейте много.

Онъ весело махнулъ рукой и расхохотался:

— Какая тамъ управа! Не даромъ отецъ покойникъ въ гимназію меня отдавать не хотѣлъ: выучится тамъ грамотѣ—паспорта поддѣлывать... Вѣдь за мной уголовное дѣло у слѣдователя: пятьсотъ слишкомъ подчищенныхъ паспортовъ моей фабрики въ участкѣ скопили, да меня и накрыли. Не въ управу, а въ „Каменщики“ мнѣ скоро!— беззаботно добавилъ онъ.

Черезъ два дня Б. попался мнѣ на площади около Хитрова рынка. Трясущійся съ похмѣлья, почти голый, онъ шелъ въ полицію просить, чтобы его арестовали по его дѣлу.

„Байрамъ“ кончился.

„МАШКА“.

Однажды я видѣлъ въ больницѣ человѣка, у котораго отняли руку, и спросилъ его, какъ онъ себя чувствуетъ? Ампутированный отвѣтилъ, что въ общемъ ничего, только вотъ отрѣзанная рука все побаливаетъ. На мое возраженіе, что она не можетъ болѣть, потому что ея нѣтъ, онъ уклончиво отвѣтилъ: „Нѣтъ, а болитъ“.

То же психологическое явленіе отмѣтитъ каждый, знакомый съ бытомъ русской тюрьмы, попавшій почему-либо въ воровской „нумеръ“ на Хитровомъ рынкѣ.

У дверей такого „нумера“ стоитъ „стрема“— т. е. караульный ночлежникъ, навстрѣчу вамъ выйдетъ вмѣстѣ съ юркими „огольцами“ человѣкъ, по безмолвному соглашенію всѣхъ признанный какъ бы старостой ночлежки, да и вся она такъ и пахнетъ на васъ представленіемъ о тюремной камерѣ.

Тѣ же словно недавно вымытые полы и нары, тѣ же люди въ одномъ бѣльѣ, да еще зачастую изъ казеннаго холста и съ тюремными клеймами, тотъ же майданъ.

И оберутъ васъ, если вы не „свой“, не „изъ ребятъ“, точно такъ же сдѣлали бы, если-бъ васъ посадили вмѣстѣ съ ними въ узилище.

Привычка быстро двигаться въ тѣсномъ пространствѣ, увертливость, безпокойное засматриваніе и сновaніе изъ угла въ уголъ тоже совсѣмъ тѣ же, что въ тюрьмѣ.

И изъ тюрьмы же перескочевало сюда мужеложство...

Въ тюрьмѣ это неизбѣжное зло; на свободѣ въ преступной сферѣ — психическій пережитокъ, въ родѣ ощущенія боли въ отрѣзанной рукѣ.

Правда, многіе отвыкаютъ отъ мужеложства, но есть положительно убѣжденные сторонники этого сношенія. Адепты активные и пассивные. Послѣдніе, т.-е. пассивные, представляютъ собою аномалію наиболѣе яркую.

У Тана, въ „Чукотскихъ разсказахъ“, говорится о шаманахъ, по наитію, вѣрнѣе—по психическому разстройству, превращающихъ себя изъ мужчинъ въ женщинъ, исполняющихъ женскія работы, носящихъ женское платье, усвоивающихъ манеры женщинъ и живущихъ съ своими законными супругами ad modo Sokratis.

Нѣчто близкое мнѣ пришлось видѣть весьма далеко отъ чукотскихъ улусовъ, въ самомъ сердцѣ русской культурной жизни.

Я помню, какъ отворилась дверь въ камеру одной изъ нашихъ централокъ, и вошло существо, при видѣ котораго я почувствовалъ страхъ и непреоборимое отвращеніе.

Это былъ человѣкъ высокаго роста, худой, широкоплечій и страшный. Одѣтъ онъ былъ въ длинный монашескій подрясникъ, украшенный пестрыми тряпочками, съ набитымъ чѣмъ-то „бюстомъ“ и опоясанный замызганной лентой. Волосы его были заплетены въ косичку и тоже связаны красной ленточкой. На ходу онъ свободно вихлялъ бедрами, какъ это дѣлаютъ многорожавшія женщины. Но самое ужасное въ немъ—это было лицо.

Какъ живое, стоитъ передо мною бритое, изсине-черное лицо съ громадными впалыми глазами, всюду обросшее колючей, небритой щетиной.

„Сущій демонъ“,—мелькнуло у меня въ головѣ.

Но арестанты обрадовались ему.

— Машка! Машка!—залепетали со всѣхъ сторонъ.—Ну, какъ поживаешь, подлая? Съ кѣмъ путаешься? Сказывай!

Позднѣе я узналъ, что человѣкъ этотъ—бывшій послушникъ и что зовутъ его Андреемъ. Но тутъ всѣ обращались къ нему, какъ къ женщинѣ, и онъ отвѣчалъ имъ тоненькимъ, настоящимъ бабьимъ голосомъ. Съ нимъ заигрывали, его цѣловали, потомъ затащили въ уголъ, и тамъ началась отвратительная оргія.

Было это давно. Образъ „Машки“ совсѣмъ было исчезъ изъ моей памяти. И вотъ недавно прохожу я мимо балагана на Хитровской площади и снова встрѣчаю „ее“ въ обществѣ какихъ-то юныхъ оборвышей. „Машка“ въ чемъ-то горячо убѣждаетъ ихъ. Я вслушиваюсь и... едва не падаю съ ногъ... „Машка“ предлагаетъ одному изъ „огольцовъ“ совершить надъ собою актъ мужеложства и даетъ

полтинникъ... Мальчишка же торгуется и проситъ рубль.

Я отошелъ прочь, но издали видѣлъ, что они поладили и торопливо отправились вдвоемъ въ одинъ изъ домовъ.

Я слышалъ, что „Машка“ продаетъ послѣдній выпрошенный за ради Христа кусокъ, чтобы только добыть себѣ „возлюбленнаго“. И до сихъ поръ путемъ не могу рѣшить, что это? Болѣзнь, порочность или... нормальное явленіе, порождаемое ненормальными условіями жизни.

„ХОЗЯИНЪ“.

Давно это было.

Толстая, приземистая женщина, знаменитая своими безсовѣстностью и жестокосердіемъ, содержательница одного изъ притоновъ огромнаго приморскаго города, тихимъ, проникновеннымъ голосомъ разсказывала о своемъ „видѣніи“.

Вокругъ безмолвно, можно даже сказать, благоговѣйно сидѣли слушатели: двое громилъ, нищій изъ „благородныхъ“ и сожитель хозяйки, сутенеръ по профессіи.

— Встаю я,—разсказывала толстуха,—внутри у меня такъ и горитъ: очинно много съ вечера переложила... Думаю: ай, выпить стаканчикъ? Только нѣтъ, грѣхъ—суббота... Легла опять... Только не даетъ „онъ“ мнѣ лежать... Выпей да выпей—легче головѣ будетъ. Не выдержала я: подошла къ шкапу, достала графинъ... Какъ вдругъ въ окно кто-то: дзинь!.. Я туда,—никого... Оглянулась, а икона наша вся такъ и сіяетъ... И гласъ мнѣ былъ оттолева: „Дура! Нешь по субботамъ пьютъ!..“ Я такъ и обмерла...

Въ голосѣ хозяйки притона, въ ея манерѣ разсказывать, было что-то до такой степени искреннее, что, слушая ее, я ни на минуту не сомнѣвался въ правдивости ея словъ.., .

И смущало меня только одно: какъ уживается подобная наивная вѣра съ гнусною, откровенною преступностью ея промысла!

Тѣ же мысли невольно приходятъ мнѣ въ голову, когда я по временамъ вхожу въ „каморку" одного изъ содержателей ночлежныхъ квартиръ на Хитровкѣ, нѣкоего С.

Вечеръ. Всѣ стѣны его комнаты увѣшаны лампадами. Нѣжный полусвѣтъ разлитъ внизу, весь потолокъ сіялъ огнемъ. Хозяинъ поочереди обходитъ своихъ „молитвенниковъ" и молится громкимъ шепотомъ каждому изъ нихъ отдѣльно, называя святого по имени.

А за перегородкой, отдѣляющей его „каморку" отъ помѣщенія для ночлежниковъ, дѣлается на поверхностный взглядъ нехорошее, а на взглядъ болѣе глубокій—преступное дѣло. И преступное не съ полицейской точки зрѣнія.

Сынъ С., вороватый шестнадцатилѣтній парень, его жена, толстая баба, ругающаяся какъ пьяный извозчикъ и двое „подметалъ" продаютъ ночлежникамъ водку. Въ буквальномъ смыслѣ спаиваютъ народъ.

Около стола, за которымъ они „работаютъ" стоитъ огромный мѣдный чайникъ, съ никогда не изсякающей водкой. Нѣсколько корзинъ пива привалены къ стѣнѣ, а немного поодаль лежитъ на

полу, съ потемнѣвшимъ, „чугуннымъ“ лицомъ, опившійся до полусмерти ночлежникъ.

Завтра большой праздникъ. Изъ-за перегородки слышится истовый шепотъ:

— Спаси и помилуй, Господи...

Въ полуприкрытую дверь мелькаетъ тѣнь совершающаго земные поклоны С.

И, молясь своимъ „молитвенникамъ“ не можетъ не знать и не помнить С., что на дворѣ въ это время выносятъ изъ пріемнаго покоя гробы и стоймя ставятъ ихъ къ стѣнамъ, чтобы были подъ руками. Не можетъ не знать С., что гробы эти готовятъ подъ большіе праздники для опившихся на смерть ночлежниковъ... Но это не мѣшаетъ ему молиться искренно и искренно ожидать „спасенія“ своей черной душѣ.

Когда, помолясь, онъ выходитъ изъ „каморки“, онъ видитъ ужасную картину, поразительно напоминающую буйную палату провинціальной больницы для умалишенныхъ.

Блѣдные, изможденные люди, въ неописуемыхъ лохмотьяхъ, въ грязи, въ синякахъ, въ крови, полуголые, ходятъ, какъ отравленныя мухи, топчутся въ безсмысленномъ танцѣ, ругаются, дерутся, извергаютъ изъ себя поглощенные отвратительные напитки и кушанья. Невыносимый кислый запахъ носится по комнатѣ, шумъ, гвалтъ, топотъ, стоны.

Но С., главный виновникъ всего этого, полонъ молитвеннаго настроенія и тихо напѣваетъ какой-то „гласъ“.

Меня всегда интересовалъ этотъ набожный и

жестокій человѣкъ, Каменной безчувственностью онъ не обладалъ и потому я говорю — жестокій. Отъ него я могъ узнать только то, что онъ родился на Хитровкѣ и уже съ двухъ лѣтъ научился воровать тѣ предметы, которые были ему необходимы или только нравились. И тогда уже понималъ, что значитъ собственность и незаконное присвоеніе ея.

— Сдербанешь бывало съ голодухи у торговки картошку,—разсказывалъ онъ,—она поймаетъ и всѣ вихры выщиплетъ по волоску. Орешь, а она щиплетъ: воруй, да не попадайся! Вотъ я и сталъ помаленьку аккуратнѣй, а подъ конецъ совсѣмъ попадаться пересталъ. Пяти лѣтъ я уже „дурманныхъ“ (пьяныхъ) обшаривалъ и всѣ меня звали „преступникомъ“.

Въ настоящее время, кромѣ „корчемничества“, С. ведетъ еще обширную торговлю крадеными вещами, кромѣ того, въ его распоряженіи цѣлая команда карточныхъ шулеровъ, которыхъ онъ и пускаетъ въ ходъ, когда надо.

— Божья воля!—хладнокровно отзывается онъ на все, что бы съ нимъ ни случилось.

Но вотъ однажды сидимъ мы у него въ „нумерахъ“ за чаепитіемъ. Разговоръ, какъ всегда, вращается, какъ это ни странно, около темы о вредѣ пьянства.

Думается, что причиною этому то, что самъ С., его супруга, а въ послѣднее время и сынъ,—иногда запиваютъ. И пьютъ обыкновенно до болѣзни, или, какъ принято, говорить, до „чертиковъ“.

Вдругъ на лѣстницѣ, ведущей на дворъ, на

которой гнѣздится особый народъ, грабящій по ночамъ пьяныхъ, рискнувшихъ выйти въ какой-нибудь одеженкѣ на площадку, поднимается суматоха.

Въ дверь просовывается возбужденное лицо сосѣдки—хозяйки.

— Кумъ! - кричитъ она.—Иди скорѣй, Тихонъ опять опорки у самого зачуралъ.

С. весело выскакиваетъ съ мѣста, засучиваетъ рукава и выскакиваетъ на лѣстницу. Оттуда несутся глухіе удары и прерывистый вопль. Минутъ черезъ десять С. возвращается и, отирая потъ, садится за чай.

— Смерть люблю воровъ бить!—сознается онъ, сладострастно жмурясь.

Я съ недоумѣніемъ взглядываю на него. И онъ понимаетъ мой взглядъ.

— Ничего, — ободрительно похлопываетъ онъ меня по плечу.—Такъ ихъ и надо жуликовъ...

А самъ-то...—срывается у меня.

— Самъ? Да что ты, Христосъ съ тобой, нешь я жуликъ?..

— А ворованное добро, а карты? — продолжаю я.

С. хохочетъ.

— Чудакъ, — поясняетъ онъ, успокаиваясь. — Такъ вѣдь это торговля моя!.. У всякаго свое рукомесло... Сравнилъ!

И со спокойной совѣстью принимается за остынувшій чай.

„КНЯЗЬ“.

Внѣшность неподдѣльнаго пшюта самой высокой марки. Все стерла съ него нищета: костюмъ, выхоленные ногти; чистый парижскій арго спустился до французскаго нижегородской діалектики, — а вотъ сюсюкаетъ, шепелявитъ и растягиваетъ слова онъ по-прежнему. И по-прежнему, когда позволяетъ судьба подстрѣлить какого-нибудь богатенькаго милостивца, картавитъ въ третьеразрядной ресторацiи вмѣсто обычнаго „половой“ или „малый“—„чеаэкъ“...

Князь Z. человѣкъ онъ еще не старый, высокій, съ комическимъ, лишеннымъ растительности черепомъ, худыми, какъ палки, ногами и отвислымъ брюхомъ. Походка у него подагрическая — лѣвую ножку не безъ франтовства волочитъ, въ глазу стеклышко, Только вотъ костюмъ подгулялъ... но это, впрочемъ, не мѣшаетъ ему оставаться, правда, вѣжливымъ, но все-же непроходимымъ нахаломъ.

Князь Z. получаетъ отъ родныхъ пенсію, рублей около ста въ мѣсяцъ, и округляетъ ее „стрѣльбой“.

„Стрѣляетъ“ онъ на всѣ лады: „по письмамъ“, „на ходу“, „по телефону“.

Спуску не даетъ никому.

Было время, когда князь Z. съ компаніей такихъ-же, какъ онъ, обнищавшихъ пшютовъ начиналъ свой день въ гостиницѣ „Россія“, служившей имъ сборнымъ пунктомъ. Тамъ обсуждался „порядокъ дня“, писались письма, сочинялись и репетировались трогательныя роли... Изъ которыхъ весьма часто выходили..

Разъ, напримѣръ, князь Z. является къ извѣстному своей добротой Щ. въ обтерханномъ мундирѣ бѣдняка-студента—просить на взносъ платы въ университетъ. Въ передней на него бросается собака и обрываетъ полу сюртука... Роль моментально мѣняется, и князь, называя себя настоящимъ именемъ, требуетъ возмездія и мзды... и, разумѣется, получаетъ то и другое.

Компанія князя знала всѣ пріѣзды и отъѣзды разныхъ знаменитостей, часы прогулокъ нужныхъ людей; въ лакейскихъ которыхъ у нихъ уже бывали „непріятности“, ей извѣстны всѣ крупные выигрыши на бѣгахъ и въ клубахъ.

Жизнь князя, не считая загнаннаго дѣтства и безпутной юности, распадается на двѣ половины,— „до процесса“ и „послѣ процесса“.

„До процесса“ была возможность посѣщать клубы, дорогіе рестораны, содержать приличную квартиру и „среднюю“ француженку — все это, конечно, на доходы отъ того, что на языкѣ криминалистовъ называется „выпрашиваніемъ милостыни обманнымъ образомъ“.

„Послѣ процесса“ остались: третьестепенныя кокотки, третьеразрядные трактиры, ночлежки, невольныя посѣщенія работнаго дома, дворянская фуражка съ краснымъ околышемъ и полное неуваженіе со стороны швейцаровъ и дворниковъ въ „знакомыхъ“ домахъ.

Да и обстрѣливаемые кліенты относятся хуже. Даже самая Хитровка...

Прежде, бывало, тысячная толпа собиралась, узнавши, что князю Z. Богъ послалъ хорошую добычу. На рукахъ его чающіе выпить до кабака несли. Такіе курбеты для его увеселенія выкидывали, что самые опытные самодуры только глазами хлопали отъ изумленія...

Былъ случай, что, когда одинъ извѣстный богачъ подарилъ ему небольшое имѣніе въ Курской губ.,—онъ двухъ сѣдобородыхъ стариковъ заставилъ всенародно, въ обнаженномъ видѣ, совершить актъ мужеложства другъ надъ другомъ...

Случалось ему „до процесса“ и не только куши получать. Многіе къ себѣ приглашали, хорошія мѣста давали.

Какъ-то разъ попался мнѣ князь Z. въ новенькой съ иголочки формѣ желѣзнодорожнаго служащаго. И, разумѣется, все съ тѣмъ-же стеклышкомъ, присюсюкиваніемъ и приволакиваніемъ больной ноги. Только, вмѣсто дворянской, на головѣ желѣзнодорожная фуражка...

— Ну, какъ васъ Богъ милуетъ? На желѣзной дорогѣ? — любопытствовалъ я, искренно обрадованный.

— Дд-ее,—шепелявитъ онъ.— Контролеромъ... Только, знаете, невыгодно. Вотъ и теперь...

Онъ прикладываетъ палецъ къ носу и что-то обдумываетъ. Потомъ вдругъ оживляется.

Вы вѣдь, надѣюсь, подождете меня, мой ангелъ? Я въ одну секунду...

Черезъ двадцать минутъ возвращается и съ торжествомъ показываетъ сторублевую бумажку.

— Отъ Б., М. А.!—поясняетъ онъ радостно.— На лѣченіе больной жены уволеннаго конторщика изъ кавалерійскихъ ротмистровъ, не пожелавшаго служить въ полиціи!

— Позвольте,—возмутился я,—неужели вы ходили „стрѣлять"?.. Въ формѣ, имѣя въ перспективѣ возможность встрѣтиться съ нею въ поѣздѣ при отправленіи вами службы?

— Э, душа моя! Все суета суетъ! Встрѣтится— ей-же самой совѣстно будетъ напоминать объ этомъ. А свидѣтелей само-собою никакихъ: вполнѣ конфиденціально...

Благодаря одной изъ такихъ виртуозныхъ выходокъ и произошелъ „процессъ", со всею его пагубой.

Князь Z. „обстрѣлялъ" управляющаго однимъ изъ архивовъ въ Москвѣ. Тотъ оказался человѣкомъ отзывчивымъ и безъ предразсудковъ и прямо предложилъ Z. поступить къ нему въ архивъ. Правда, всего на полсотни рублей. Но что-же, вѣдь и это лучше гораздо, чѣмъ нищенство.

Князь согласился. Служитъ.

И вотъ однажды у его патрона, директора ар-

хива, заходитъ объ немъ рѣчь съ какимъ-то знакомымъ, богатымъ коммерсантомъ.

— Совсѣмъ человѣкъ сдѣлался, — закончилъ свой разсказъ директоръ.

Коммерсантъ тоже остался доволенъ и, въ свою очередь, вытащилъ изъ кармана письмо, датированное тѣмъ-же днемъ, въ которомъ князь Z. слезно умоляетъ помочь ему и его больной женѣ.

Директоръ сличилъ почеркъ—его князь! Однако и виду не показалъ, а просто, проводивъ гостя, пригласилъ Z. къ себѣ и спросилъ его, можетъ-ли онъ удовлетвориться жалованьемъ, которое имѣетъ? Князь освѣдомился о причинахъ запроса. Директоръ отвѣтилъ. Тогда и князь пустился на откровенности. Онъ, между прочимъ, сказалъ, что получаетъ 50 р., а m-lle Флорансъ платитъ сто!.. Сказалъ развязно, какъ всегда присюсюкивая, шепелявя и разсматривая директора въ моноклъ.

Директоръ добылъ у коммерсанта письмо и возбудилъ процессъ.

И прошли для князя Z. красные дни.

„ЗИМОГОРЪ СЛОНЪ“.

Странный народъ эти зимогоры. Называютъ такъ, главнымъ образомъ, строительныхъ рабочихъ разныхъ цеховъ, приходящихъ въ городъ на строительный сезонъ, т.-е. на весну и лѣто, и остающихся на зиму горевать на Хитровкѣ. Зима да горе, вотъ и получается — зимогоръ.

Помимо поступающихъ прямо изъ деревни на мѣста къ хозяевамъ, множество маляровъ, кровельщиковъ, плотниковъ, штукатуровъ и пр., вербуется подрядчиками изъ кадровъ босой команды, зимогоровъ. Такой прожженный, отвѣдавшій всего работникъ, разумѣется, долго у хозяина жить не станетъ, но и за короткое свое пребываніе среди рядового рабочаго люда успѣваетъ поселить въ нихъ какое-то смутное понятіе о вольной, пьяной жизни, а то и просто, возьметъ да и приведетъ какого-нибудь губошлепа въ знакомую ночлежку, да тамъ и „похоронитъ“, т.-е. обопьетъ до гола. Малому совѣстно будетъ идти къ хозяину въ хитровской разлстайкѣ, поживетъ онъ, пока товарищи не выручатъ, попробуетъ „бульонки“, а это дур-

ная, по мѣстному, примѣта: останется зимовать на Хивѣ.

Есть среди зимогоровъ умные, талантливые люди, жизнь которыхъ полна неожиданностями такого рода: сегодня онъ зимогоръ, нищій, пропойца, черезъ годъ, два — городской голова въ какомъ-нибудь сибирскомъ городѣ, богатый купецъ, подрядчикъ, ворочающій тысячами людей и милліонами рублей.

Народъ этотъ въ большинствѣ крупный, рослый, красивый и безсовѣстный. До-нельзя безсовѣстный. Какъ-то инстинктивно допятили они до сознанія, что все дозволено человѣку и живутъ, не стѣсняются. На Хитровкѣ онъ способенъ рубашку послѣднюю снять съ родного отца, товарища изъ послѣднихъ штановъ вытряхнуть, а въ люди вышедши, будетъ своихъ рабочихъ тухлятиной кормить, сокъ изъ нихъ жать безъ жалости, бить и обсчитывать безъ мѣры.

Да и не просто обижать людей, а съ насмѣшкой. Видѣлъ я одинъ разъ, какъ знакомый мнѣ зимогоръ одного товарища уговорилъ штаны съ себя пропить.

— Да въ чемъ-же я-то останусь, — упирался тотъ.

— А ты рубашку мою надѣнь! — настаивалъ зимогоръ.

— Это на ноги-то?

— На ноги. Ты гляди, какъ хорошо!

Онъ прикинулъ рубаху, надѣвши ее рукавами на ноги.

Когда же товарищъ согласился и штаны были

пропиты, соблазнитель самъ поднялъ вверхъ свиснувшія полы рубашки, очень похожія на „мѣсто“ у коровы, послѣ того, какъ она принесетъ теленка, и заявилъ:

— Гли, братцы, Никишка нашъ отелился!

Ядовито, зло и умно вышучиваютъ зимогоры обманутыхъ ими людей вообще.

Есть на Хитровкѣ цѣлые „нумера“, населенные зимогорами и очень напоминающіе запорожскіе курени. Все тамъ есть, и беззавѣтная любовь къ водкѣ, и удаль, и даже „куренный батько“. Но зовутъ послѣдняго на Хитровкѣ „батырь“ и представляетъ собою онъ слѣдующее: батырь обыкновенно снимаетъ ночлежную квартиру, пускаетъ себѣ въ жильцы зимогоровъ и беретъ въ городѣ подряды на всякія работы. Ночлежники подъ его предводительствомъ таскаютъ на стройки кирпичи, ломаютъ зданія и возводятъ новыя. По субботамъ батырь производитъ артели разсчетъ; послѣ этого ставитъ „отъ себя“ четверть водки. А такъ какъ онъ не только „батырь“, но и тайный кабатчикъ, то въ тотъ-же вечеръ всѣ выданныя имъ деньги возвращаются къ нему обратно, рабочіе-же рѣдко оставляютъ себѣ даже „на похмелье“,

Зимогоръ Слонъ, прозванный такъ за колоссальный ростъ и силу, представляетъ собой ярко выраженный типъ русскаго человѣка, изъ котораго можетъ быть во всякое время, я подтверждаю это, герой въ родѣ Минина и негодяй не менѣе Чуркина.

Слонъ—плотникъ. Умный, предпріимчивый, безсовѣстный. Чего только онъ не перевидалъ въ жизни?

Былъ онъ и работникомъ, крестьянствовалъ, строилъ Забайкальскую желѣзную дорогу, занимался мелкимъ барышничествомъ, былъ „батыремъ“ на Хитровкѣ, имѣлъ свое огромное дѣло, капитальные дома въ Москвѣ, ворочалъ милліонами. Даже гласнымъ думы пробылъ не одно трехлѣтіе.

И все рѣзкіе переходы были у него въ жизни. Безъ промежуточныхъ періодовъ. Нонче — князь, завтра — грязь. Нынче — куры и канки, завтра — нѣтъ ни лихоманки. Нѣсколько разъ опускался онъ до самаго „дна“, но, какъ сказочный Илья Муромецъ, еще большую силу обрѣталъ, о землю ударившись, и снова подымался на верхи. Причиной его перелетовъ были отчаянный рискъ, тоже отчасти изъ удали.

Работоспособность у Слона была, да и сохранилась, феноменальная. Предпріимчивость тоже. Сегодня видишь его всего сломаннаго похмельемъ, едва не голаго, избитаго. Завтра, глядишь, хоть худые, да сапоги на ногахъ, фартукъ подвязанъ, на головѣ картузъ.

— Куда, Слонъ?

— Да, вотъ подрядъ снялъ...

И, дѣйствительно, хоть ретирадъ очистить, а ужъ добудетъ себѣ подрядъ. Иногда съ такихъ подрядовъ и вверхъ подымался...

И до самой старости, теперь ему лѣтъ 60 съ мѣсяцами, физическую силу имѣетъ и сознаетъ за собою.

Забрали его какъ-то за нищенство, привели въ Работный домъ, а тамъ послали работать въ пра-

чечную. Осмотрѣлъ Слонъ машины для стирки, центрофугу да и спрашиваетъ завѣдующаго:

— А нельзя-ли тутъ одинъ приводикъ на всѣ маховички поставить?

— Это еще зачѣмъ?

— А такъ: я-бы одинъ всѣ ваши машины вертѣть взялся... Вамъ-бы дешевле, да и мнѣ...

А въ прачечной въ то время человѣкъ 15 машины вертѣли.

Семья Слона проживаетъ въ глуши, во Владимірской губерніи и, кажется, не бѣдствуетъ и участія въ его „полетахъ" не принимаетъ. Простая крестьянская семья, довольно зажиточная. Слонъ до безпамятства ее любитъ, особенно дѣтей.

Но вотъ, что съ этимъ чадолюбивымъ отцомъ семейства было.

Осенью 1905 г., во время уличныхъ безпорядковъ, я зашелъ въ одинъ изъ номеровъ на Хитровкѣ. Было тамъ нѣсколько оживленнѣе, чѣмъ всегда, пьяныхъ много, словно въ праздникъ.

У стола возлѣ печки собралась группа стрѣлковъ и живо что-то разсказываютъ. Одинъ изъ нихъ картузъ съ гербомъ реальнаго училища показываетъ, пару калошъ.

— Вотъ, — говоритъ, — догнали мы его около Горбатаго моста и, значитъ, того... Мнѣ калоши и картузъ достались.. Вотъ вамъ!..

Въ это время изъ подъ паръ показывается огромная, взлохмаченная голова Слона.

— Картузъ, уговоришь?—хрипло спрашиваетъ онъ у разсказчика.—А это что?

Изъ-подъ нарь высовываются двѣ мохнатыя лапы. Всѣ въ крови.

— Гляди!—оретъ Слонъ.—Еще не засохло, какъ студента мы въ Охотномъ сгребли...

И раскатисто хохочетъ. За нимъ хохочутъ и всѣ.

— Ловко!

— Но только,—задумчиво разсуждаетъ Слонъ,—подавать они намъ послѣ этого, пожалуй, не будутъ... А самый до насъ милостивый народъ—студенты... Таперь, гляди, обидятся...

Недавно я встрѣтилъ Слона около Тверской. Онъ какъ разъ говорилъ о чемъ-то съ пожилымъ хмурымъ студентомъ. Потомъ поклонился и показалъ мнѣ гривенникъ. Очевидно, забыли обиженные.

„ПОЭТЪ“.

Я встрѣчался съ нимъ въ жизни три раза и всегда при роковыхъ обстоятельствахъ. Въ первый разъ въ психіатрическомъ отдѣленіи военнаго госпиталя, куда его доставили, потому что положительно не знали, что съ нимъ дѣлать. Дѣло было въ слѣдующемъ:

Н. К., о которомъ я говорю, исключили изъ университета за невзносъ платы. Онъ поступилъ въ военное училище. Начальникъ училища однажды засталъ его во время занятій мертвецки пьянымъ въ дортуарѣ и отчислилъ въ полкъ. Въ полку въ первый-же день по прибытіи его, опять-таки въ пьяномъ видѣ, отправили на гауптвахту. Послѣ ареста, такъ какъ онъ не замедлилъ напиться снова, его отправили въ военный госпиталь, и тамъ помѣстили въ „юнкерскую“ палату. Когда-же на слѣдующее утро начальникъ госпиталя, совершая обходъ, зашелъ, въ нее, то обрелъ тамъ недвижимое тѣло пьянаго К. Старый генералъ не приказалъ его будить и соннаго велѣлъ отправить въ психіатрическое отдѣленіе.

Н. К., какъ присяжный стихотворецъ и посто-

янный сотрудникъ нѣкоторыхъ періодическихъ изданій, тотчасъ-же описалъ въ стихахъ перенесеніе своего тѣла изъ одного отдѣленія въ другое и стихи эти поднесъ палатному ординатору. Результатомъ было то, что при выходѣ изъ госпиталя въ годичный отпускъ, вслѣдствіе малокровія, Н. К. получилъ отъ доктора полную экипировку, золотые часы и 100 рублей наличными. Палатный ординаторъ былъ человѣкъ старозавѣтный, добрый, наивный, вообразилъ Н. К. вторымъ Полежаевымъ и раскошелился для него едва-ли даже по средствамъ.

Н. К., который въ пріятельскомъ разговорѣ однажды сообщилъ мнѣ, что можетъ „сдѣлать подлость", отблагодарилъ д-ра тѣмъ, что пропился до нитки, вызвалъ д-ра къ себѣ и, лежа съ разбитой физіономіей въ номерѣ на продавленномъ диванѣ, попросилъ денегъ на... самоубійство. Револьверъ пріобрѣсти, веревку или яда.

Черезъ нѣсколько дней по выходѣ Н. К. изъ госпиталя у насъ состоялась новая, вторая встрѣча. Н. К. прислалъ мнѣ записку съ Хитрова рынка, съ просьбою „спасти". Я пришелъ къ нему, но, какъ оказалось, уже поздно. Н. К., въ ночь до моего прихода, всталъ съ наръ, подошелъ къ часамъ, висѣвшимъ посрединѣ ночлежки, взглянулъ на нихъ и съ крикомъ: „Двѣнадцать часовъ, товарищи, пора погибать!"—бросился въ окно. На улицѣ его подняли и отправили въ больницу. Онъ во время паденія переломилъ себѣ оба бедра, но, несмотря на это, хотя и съ зубовнымъ скрежетомъ, все покушался бѣжать.

Его преслѣдовали какіе-то попугаи съ козлиными головами, ибо до этого Н. К. безпросыпно пилъ двѣ недѣли.

Талантъ свой Н. К. въ землю не зарывалъ, но пользовался имъ крайне своеобразно. Написавъ стихотвореніе, онъ несъ его не въ редакцію, а принимался искать какого-нибудь богатаго мецената. И всегда почти успѣвалъ. Хотя частенько меценатами являлись женщины, до которыхъ К. былъ необычайно падокъ. Малый онъ былъ молодой, смазливый, и женщины влюблялись въ него на перебой, тѣмъ болѣе, что презиралъ и третировалъ онъ ихъ, какъ животныхъ.

„Чѣмъ меньше женщину мы любимъ,
Тѣмъ больше нравимся мы ей"

было его девизомъ въ сношеніяхъ съ ищущими развлеченій барынями, преимущественно бальзаковскаго возраста. Затѣмъ „произведенія" посылались къ всевозможнымъ генераламъ отъ литературы и сценическимъ съ короткими приписками съ описаніемъ горькой участи и адреса поэта.

Только использовавъ „произведеніе" такимъ образомъ, Н. К. посылалъ его въ редакцію, гдѣ зачастую его и печатали, ничего не зная о его прошлыхъ мытарствахъ.

Подспорьемъ въ многотрудной жизни служила ему и рекламная „литература". Воспѣвалъ онъ съ истиннымъ пафосомъ и копченыхъ сельдей, и папиросные патроны, и разныхъ степеней сногсшибательности водки и наливки.

Все это не мѣшало ему считать себя, правда,

больше въ пьяномъ видѣ, литераторомъ и даже общественнымъ дѣятелемъ. Особенно послѣ одного инцидента, гдѣ онъ, съ пьяныхъ глазъ, попалъ въ заправскіе „политическіе“ аппартаменты въ Каменщикахъ, вмѣсто дортуара для вытрезвленія въ участкѣ.

Случилось это такъ.

Приходитъ ко мнѣ однажды одна изъ его почитательницъ и спрашиваэтъ, гдѣ Н. К.? Я указываю ей на Хитровъ рынокъ, но совѣтую розысковъ тамъ не производить во избѣжаніе непріятностей для нея. Но дѣвица, — курсистка съ высшихъ курсовъ,—была не изъ робкихъ и обошла буквально всѣ ночлежныя квартиры Москвы. Побывала и у заставъ, даже чуть не всѣ ночныя чайныя исходила. Нигдѣ ни слѣда. Тогда она толкнулась въ сыскную. Оттуда ее направили въ жандармское управленіе. А тамъ ей очень обрадовались: Н. К. содержался у нихъ уже нѣсколько дней, сначала наговоривъ на себя въ полиціи разныхъ небылицъ, а потомъ струсилъ и отъ всего отрекся. Барышня удостовѣрила шалуна, и его отпустили. Это и дало ему поводъ говорить о себѣ, что онъ политическій и общественный дѣятель.

Третья встрѣча моя съ Н. К. была самаго удивительнаго, но, — увы! — не „рокового“ свойства.

Попадается мнѣ однажды на Тверской толстенькій, коротенькій господинчикъ. Останавливаетъ меня.

— Позвольте, вы В.?

— Да.

А я. Н. К.!

И лѣзетъ цѣловаться. А за нимъ пыхтитъ толстая, мѣщанскаго склада, барынька, въ старомодной мантильѣ и шляпкѣ, съ цѣлымъ выводкомъ ребятъ.

Н. К. съ гордостью обернулся къ нимъ и сообщилъ:

— Моя... Жена, дѣти...

Далѣе я узналъ, что онъ уже лѣтъ шесть состоитъ въ законномъ бракѣ съ какою-то поповной; водки не пьетъ и... редактируетъ ежедневную газету въ городѣ С.!

Въ доказательство показалъ мнѣ нумеръ газеты, подписанный его фамиліей.

Я такъ и ахнулъ.

— Да ты не пугайся, вѣдь не фактическимъ, отвѣтственнымъ состою,—успокоилъ онъ меня.— Знаешь, какъ у Щедрина: „внѣ онаго, но какъ-бы въ ономъ“...

— Ну, а какъ-же стихи?—освѣдомился я.

— Какіе, братъ, стихи,—кивнулъ онъ, вздохомъ на свою половину.—Все тамъ, вмѣстѣ съ юностью, на Хитровскомъ Юръ-Базарѣ осталось. А, помнишь?

И, вставъ въ позу Н. К. быстро продекламировалъ:

Сивухи жаждою объятый,
Кляня съ похмелья жизнь и свѣтъ,
Цѣлковый проситъ безъ возврата
У васъ пропившійся поэтъ!“

— Золотые были дни, не правда-ли?..

Съ тѣхъ поръ я его не встрѣчалъ...

„ИГРАЮЩІЕ“.

Какъ это ни странно, но почти ни одно крупное преступленіе противъ собственности — я не говорю о такъ назыв. „экспропріаціяхъ“—не совершается въ предѣлахъ Россіи безъ прямого или косвеннаго участія въ немъ Хитрова рынка... Тамъ, въ смрадныхъ ночлежкахъ, обдумываются и организуются сложныя ограбленія, при чемъ разстояніемъ стѣсняться не принято: Москва, такъ Москва, Владивостокъ, такъ Владивостокъ, лишь-бы было изъ-за чего хлопотать! Денегъ на проѣздъ и предварительныя работы опытный „свой“ малый всегда достанетъ... Главное, потому, что если счастье улыбнется ему, то вся почти добыча останется въ цѣпкихъ рукахъ хитровскихъ предпринимателей.

Нужно вору, какому-нибудь „домовушнику“ или „городушнику“ „бѣжать по дѣлу“, будь онъ голъ, какъ соколъ, — ему моментально хоть фрачную пару добудутъ.

Съ тою-же предупредительностью предприниматели относятся и къ „играющимъ“.

Это совсѣмъ особый сортъ людей, вся жизнь которыхъ—одна сплошная, непрерывающаяся игра. Во что—все равно.

Играющій босякомъ на морозѣ рѣжется „подъ ручку“, ловко увертываясь отъ преслѣдующаго его городового и продолжая играть на бѣгу; шикарно одѣтый играетъ онъ въ баккара или макао въ клубѣ; босой, въ одномъ бѣльѣ, не на животъ, а на смерть сражается въ „банчокъ“ въ „нумерѣ“ съ своимъ братомъ играющимъ, а попросту—шулеромъ.

Часто приходилось мнѣ видѣть такія сцены.

Въ „нумеръ“, гдѣ ютятся играющіе, входитъ возвратившійся съ дѣла малый изъ „ребятъ“. На маломъ дорогая шуба, соболья или бобровая шапка, на рукахъ перстни, въ бумажникѣ зачастую сотни, а порой и тысячи рублей. И обязательно,—верхъ воровскаго шика,—лаковые сапоги.

Входитъ, оглядывается,—кругомъ народъ все знакомый. Молча, сосредоточенно здороваются. Потомъ въ рукахъ одного изъ играющихъ появляется колода картъ. Онъ съ шумомъ распечатываетъ ее и мечетъ для „затравки“. Черезъ минуту завязывается игра, и тутъ неизмѣнно происходитъ одно и то-же. Пришлецъ проигрываетъ, злится, увеличиваетъ ставки. Наконецъ, ухлопываетъ всю наличность; тогда на нарахъ, замѣняющихъ столъ, появляются дорогія кольца и часы, потомъ шуба, платья и въ заключеніе лаковые сапоги и картузъ. Продувшійся въ пухъ пришлецъ знаетъ, что выказываетъ въ такихъ случаяхъ волненіе или, вообще, малодушествовать, значитъ, накликать на

свою голову брань и даже побои и поэтому притворяется равнодушнымъ.

Получаетъ отъ счастливаго противника чашку водки или полтину денегъ, садится, поджавъ по-турецки подъ себя ноги, на нары, спокойно дожидаясь случая вновь „бѣжать“ на дѣла.

Выигравшій-же за это время успѣваетъ спустить все или часть выиграннаго болѣе ловкому мастеру своего дѣла. Потомъ платье реализуется у одного изъ мѣстныхъ предпринимателей, золото относится въ ломбардъ, деньги-же и, вообще, все вырученное отъ продажи изчезаетъ... Куда? Богъ вѣсть. Но только съ Хитровки ни подъ какимъ видомъ не уносится и хозяйственныхъ сундуковъ „предпринимателей“ не минуетъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ судьба привела меня къ знакомству съ однимъ изъ такихъ играющихъ. Е. Ш.—человѣкъ замѣчательный, хотя-бы одной своею неподдѣльной порядочностью,—разумѣется, внѣ сферы игры и картъ... Онъ — сынъ извѣстнаго богача Ш., оставившаго ему въ наслѣдство 600 руб. въ годъ. Е. получаетъ ихъ черезъ каждые шесть мѣсяцевъ: 300 р. — 1-го января и 300 р.—1-го іюля. Проживаются эти деньги съ удивительной быстротой и безалаберностью. Прежде всего предприниматель, у котораго онъ почуетъ, ведетъ его къ двери, гдѣ, на притолокѣ, коротенькими черточками отмѣчены чашки, а длинными—полбутылки выпитой имъ водки. Нѣчто вродѣ бирокъ дореформеннаго періода. Е. Ш. платитъ, напивается, садится играть и къ утру остается „пустой“ на новые полгода.

И тогда предприниматель начинаетъ утилизировать его природную склонность къ игрѣ. Онъ ежедневно посылаетъ его, давъ ему рубль-другой, играть на рынокъ; когда-же получаются извѣщенія отъ городскихъ агентовъ, т. Е. Ш.—полный, румяный юноша, съ шелковистыми кудрями,— на нѣсколько дней исчезаетъ съ Хитрова рынка, хорошо одѣтымъ. Въ это время онъ играетъ въ какой-нибудь закутившей денежной компаніи и зачастую выигрываетъ цѣлую уйму. Правда, иногда и попадается въ мошенничествѣ. Но тогда его неизмѣнно выручаютъ изъ бѣды его чуть не пудовые кулаки.

Со мною Е. Ш. познакомился слѣдующимъ образомъ.

Вхожу я въ „нумеръ", населенный исключительно одними играющими. И вижу, что въ углу на нарахъ растянулись два незнакомыхъ мнѣ лица.

Надо сказать, что было это во время ликвидаціи „свободъ", вообще, и свободы печати, въ частности. Какъ разъ была тогда пріостановлена газета, въ которой я работалъ.,.

И вотъ одинъ изъ новенькихъ, а именно, какъ оказалось потомъ, Е. Ш., поднялся и назвалъ меня по фамиліи. Я удивился, откуда онъ меня знаетъ.

— Да вѣдь вы В.?—свободнымъ, мягкимъ басомъ спросилъ Ш.

— Вѣрно!

— Ну, такъ чего-же еще! Васъ мнѣ и надо.

Онъ спустился съ наръ, сѣлъ на подоконникъ и указалъ мнѣ мѣсто подлѣ себя. Я сѣлъ.

— Правда,—началъ Ш.,—что вы сотрудничали въ газетахъ?

— Правда...

Ш. оглядѣлъ сверху донизу мой костюмъ, какую-то „бобочку“ вмѣсто рубахи и пиджака, и „гультики“, замѣняющія неудобоназываемую часть туалета. Лицо его поблѣднѣло, глаза сузились.

— Такъ,—вздохнулъ онъ,—хорошъ!..

И вдругъ рѣзко крикнулъ:

— Чѣмъ-же теперь тебѣ помочь?!

И не успѣлъ я отвѣтить, какъ онъ выхватилъ изъ кармана большой финскій ножъ, замахнулся имъ и крикнулъ:

— Развѣ вотъ этимъ?!

Я кубаремъ скатился подъ нары; Ш. кинулся было за мной, но дружный, предостерегающій крикъ сбившихся около насъ воровъ и играющихъ приковалъ его къ мѣсту.

— Неправильно!—кричали окружающіе.—Убери перо (ножъ)! Самого пришьемъ (убьемъ)!

Я подъ нарами добрался до двери и выскочилъ вонъ. Вдругъ въ окнѣ появилась красивая фигура Ш. все еще съ ножомъ въ рукѣ.

— Интеллигенція!.. Вѣдь ты самъ зарѣзаться долженъ, а не то что бѣжать... Шваль!

И, помню, до того глубоко мнѣ стало стыдно честнаго негодованія человѣка, коего профессію составляли преступленія, что я не выдержалъ и вернулся.

Но Ш. угрюмо и презрительно молчалъ. А потомъ ушелъ, даже не взглянувъ на меня.

По разспросамъ оказалось, что Ш. очень любилъ читать мои стихи въ закрытой газетѣ, о которой я говорилъ выше, и страшно оскорбился узнавъ, что я самъ живу тутъ-же, на „общемъ положеніи“.

Его нравственное чувство было оскорблено до такой степени, что онъ рѣшился убить меня и рѣшеніе свое выполнилъ-бы, если-бъ не страхъ передъ всесильными „своими“ „ребятами“, которые заступились за меня.

Имъ ихъ девизъ это — невмѣшательство въ чужую жизнь: живи, какъ хочешь, не считаясь ни съ чѣмъ.

„ФАРИСЕЙ“.

Постоянно встрѣчающіеся вмѣстѣ въ евангельскихъ изреченіяхъ „книжники и фарисеи“ — главная причина того, что мелкихъ букинистовъ, торгующихъ книгами и „карточками“ вразносъ, называютъ на Хитровкѣ „фарисеями“.

Нерадостно существованіе подобнаго негоціанта. Торгуетъ онъ обыкновенно изданіями, уже потерпѣвшими крахъ на книжномъ рынкѣ и проданными издательствами букинистамъ „на вѣсъ“, по цѣлковому за пудъ. А на такую книгу, не взирая на ея дешевизну, охотниковъ мало... И не будь у фарисеевъ ихъ непроходимаго, по-истинѣ несравненнаго нахальства, не поддерживай ихъ „карточки“, имъ не голодать, какъ теперь, а умирать съ голоду пришлось-бы.

— Живемъ по-малости, кормимся,—не безъ самодовольства отвѣчаютъ на вопросъ, какъ имъ живется, шустрые ребята, стоящіе съ папками книгъ на рукахъ по всей линіи отъ Ильинскихъ до Никольскихъ воротъ.

— Даже водочкой вотъ балуемся,—добавляютъ они еще болѣе самодовольно.

И правда, водочкой они „балуются“, и безъ баловства этого едва-ли даже мыслимо ихъ убогое существованіе.

Ну, какъ, въ самомъ дѣлѣ, громко вопіять „купите „Войну и миръ“, ваше сіясь!“—когда на рукахъ имѣешь не знаменитый романъ гр. Толстого, а журналъ „Война и миръ“ изданія типографіи Ждановича? Или предлагать „карточку“ какому-нибудь „полупоштенному“ въ „спинжакѣ“ и сапогахъ со скрипомъ, когда этотъ „полупоштенный“ сплошь и рядомъ оказывается переодѣтымъ полицейскимъ, вышедшимъ поохотиться какъ разъ за ними, за фарисеями? Поневолѣ выпьешь для храбрости, или, какъ говорятъ хитровскіе „промышленники“, за свою „дѣятельность“ неизбѣжно попадающіе въ концѣ концовъ въ участокъ, — для того, чтобы „быть злѣе“.

Ко всякому времени, событію, сенсаціи посвоему пристраивается голодный, подвыпившій фарисей.

Шла русская эскадра Рожественскаго, направляясь къ Цусимѣ, и, естественно, вниманіе русскаго обывателя крѣпко приковано было къ ея судьбамъ. И фарисеи, не щадя глотокъ, орали, бѣгая съ листками въ рукахъ около „города“:

— Гибель русскаго эскадрона!

Встревоженные-же прохожіе, принимая по звуковому сходству эскадроновъ за эскадру, наперерывъ рвали изъ рукъ находчивыхъ фарисеевъ листки.

Стоитъ какому-нибудь квасному патріоту устроить скандалъ въ Думѣ, и уже у фарисея, рядомъ

съ „Раціональнымъ молочнымъ хозяйствомъ“ или „Настольной книгой для молодыхъ супруговъ“, появляется въ рукахъ пачка тоненькихъ брошюръ, и онъ надсаживается:

— „Война Пуришкевича съ кухаркой“! Новый сенсаціонный романъ! Обратите вниманіе!

И въ то-же время, какъ тетеревъ зимой, вертитъ головой: не видно-ли приближающагося городового? Ибо опасаться послѣднихъ у него всегда найдется уважительная причина взять хотя-бы тѣ-же „карточки“... Впрочемъ, у иного, побойчѣе, и произведенія типографіи Филатова найдутся: знаменитый „Лука“ и пр.

Однажды въ „номеръ“, въ которомъ я квартировалъ, явился подъ вечеръ новый ночлежникъ. Хорошо, очевидно, знакомый съ хитровскими порядками, онъ сначала вѣжливо спросилъ хозяйку, можно-ли переночевать, вручилъ ей 6 коп. за ночь и, забравшись подъ нары, расположился рядомъ со мной.

Помню, что больше всего онъ поразилъ меня тогда своею „приспособляемостью“ и щепетильной аккуратностью. Прежде всего онъ досталъ изъ принесеннаго съ собой мѣшка вѣничекъ и тщательно подмелъ полъ. Потомъ разстелилъ на чистомъ мѣстѣ, — и при томъ отнюдь не занимая болѣе „законныхъ“ трехъ досокъ,—газету и приготовилъ постель: положилъ соломенную солдатскую „мату“, миніатюрную чистую подушечку и что-то въ родѣ одѣяльца. Затѣмъ въ головахъ и съ боку прикрѣпилъ гвоздиками занавѣски изъ газетъ, и свернувшись калачикомъ, легъ спать.

Проснувшись утромъ, я увидѣлъ, что сосѣдъ мой — огромнаго роста дѣтина съ безбородымъ, изрытымъ какими-то ямами лицомъ и въ синихъ очкахъ на, очевидно, больныхъ глазахъ. Рядомъ съ нимъ лежала пачка порнографической „литературы“, цѣломудренно прикрытая гоголевскимъ „Віемъ“. Самъ онъ усердно, молча, копался въ какихъ-то ящичкахъ и стеклышкахъ.

— Чай пить будете? — вѣжливо спросилъ онъ меня и затѣмъ отрекомендовался: „Я, изволите видѣть, П., фарисей“. Сегодня думаю попечатать „карточекъ“, какъ вы полагаете, позволятъ?

И онъ, дѣйствительно, выкопалъ изъ груды газетной бумаги негативы и „машинки“ для свѣтопечати.

Я посовѣтывалъ ему спроситься у квартирной хозяйки.

П. вылѣзъ изъ-подъ наръ и кратко оповѣстилъ меня:

— Можно.

Потомъ досталъ пачку „карточекъ“ и протянулъ ее мнѣ:

— Не угодно-ли полюбоваться? Есть любители, а тутъ все—натура.

Я полюбовался. „Натура“ была, дѣйствительно, для „любителей“, потому что на меня, обыкновеннаго смертнаго, она произвела прямо оглушающее впечатлѣніе.

Я видѣлъ много порнографическихъ картинъ и картинокъ, видѣлъ на Хитровомъ и „въ натурѣ“ такія вещи, какія не снились ни Сашину, ни г. Арцыбашеву. Но такихъ скотскихъ лицъ одурѣв-

шихъ отъ экстазовъ извращенной половой любви проститутокъ и развратниковъ не видалъ. Лица на карточкахъ, дѣйствительно снятыхъ съ натуры, были какія-то сонныя, всякій слѣдъ мысли исчезъ съ нихъ, и мертвая неподвижность свинцовой тяжестью лежала на чертахъ. Такое лицо я видѣлъ разъ въ покойницкой сумасшедшаго дома у мертваго, начинавшагося разлагаться идіота.

Съ внутреннимъ содроганіемъ, но боясь показать свое отвращеніе, что-бы не обидѣть не чающаго зла фарисея, я вернулъ П. его собственность, твердо рѣшивъ перебраться въ другой нумеръ, если онъ останется здѣсь.

А П., между тѣмъ, разставилъ на окнахъ свои негативы, принесъ кипятку и, приготовившись со всяческой аккуратностью къ чаепитію, принялся ретушировать напечатанныя карточки.

И, работая, онъ неустанно болталъ; разсказывалъ мнѣ свою „судьбу", разныя свои невзгоды и неудачи, связанныя съ его профессіей. Жаловался, между прочимъ, и на „нонѣшнія времена".

Прежде, бывало,—говорилъ онъ,—идетъ какой-нибудь гимназистъ, приказчикъ молоденькій, покажешь ему изъ-подъ полы — онъ весь такъ и растаетъ: бери его тогда руками... Студенты—и тѣ, случалось, покупывали... А теперь, не дальше, какъ вчера, только это разлетѣлся я за однимъ гимназистомъ, еще и карточекъ показать не успѣлъ, а ужъ онъ оборачивается: „Уйдите, говоритъ, негодяй, иначе сейчасъ городового"... Развратъ, одно слово; одни только старички выручаютъ да купцы, которые посѣрѣй... Вовсе плохія времена...

Далѣе разсказалъ онъ, что былъ прежде ретушеромъ въ фотографіи и хорошее жалованье получалъ. Фарисеемъ-же сталъ изъ-за водки. На вопросъ, откуда онъ добываетъ свою натуру, онъ только усмѣхнулся и проговорилъ:

— Этого сказать не могу... Наша тайна... вродѣ китайской туши... Есть такія... барыньки... Даже деньги намъ платятъ за это...

Я попробовалъ развязать ему языкъ водкой... Но и этотъ маневръ не удался: выпивъ съ удовольствіемъ привычнаго пьяницы, фарисей вдругъ впалъ въ крайне угрюмое настроеніе и молча разрисовывалъ свой „товаръ", какъ онъ его называлъ.

И только подъ вечеръ, собираясь уходить и уже уложивъ свой мѣшокъ, онъ неожиданно проговорилъ, обращаясь ко мнѣ:

— Вотъ, кабы соціалистовъ-бы всѣхъ перевѣшать, напримѣръ, тогда, конечно, другая торговля пошла-бы, старая...

Онъ ушелъ и болѣе не возвращался. Но на улицахъ я часто вижу его большую сутулую фигуру, изрытое ямами лицо и синіе очки. Очевидно, фарисей торгуетъ.

„БАРЫНЯ“.

Въ громадномъ залѣ подвальнаго этажа варомъ варитъ народъ. Горы съѣстного навалены на прилавкѣ, колоссальные котлы въ особомъ отдѣленіи полны всякаго рода горячими кушаньями: тутъ и супы, и мятая картошка „тушенка“, по мѣстному, и каша всѣхъ цвѣтовъ. Въ обитомъ цинкомъ ящикѣ предлагается „бульенка“ — продуктъ, вполнѣ достойный того, чтобы поговорить о немъ особо.

Въ собственномъ смыслѣ „бульенка“ — это вываренное до-нельзя при приготовленіи бульона мясо, продаваемое поварами ресторацiи всякому, кто не брезгуетъ. На Хитровкѣ это вываренное мясо слегка поджариваютъ и продаютъ порціями на 1 коп., на двѣ. Продуктъ, правда, подчасъ отвратительный, но дешевый, общедоступный. И объ немъ сложилась зловѣщая поговорка:

— Кто попробовалъ „бульенки“, тому не уйти съ Хитровки!

Гамъ стоитъ въ подвалѣ, стелется сизый дымъ махорки, всюду мелькаютъ блѣдные, потные поло-

вые. Лѣтомъ здѣсь тяжелый запахъ трупарни, а зимой огромными клубами носится при открываніи двери паръ. И сквозь дымъ и чадъ тускло свѣтятъ немногія ацетелиновыя горѣлки. Здѣсь закусываетъ и пьетъ чай половина Хитровки, — это знаменитая чайная Брыкова.

Въ задней комнатѣ подвальнаго этажа, около „чернаго“ хода, сидятъ за столами нѣсколько аборигеновъ чайной, все время проводящихъ за чаепитіемъ. Въ большинствѣ это пожилыя женщины. Правда, иногда попадаются между ними и молодыя, почти дѣти.

Къ занятымъ женщинами столамъ подходятъ мужчины, заговариваютъ съ ними, пьютъ чай, курятъ. Съ обѣихъ сторонъ дѣлаются предложенія извѣстнаго сорта, послѣ чего, предварительно договорившись: „гривенникъ или пятиалтынный?“ счастливыя парочки уходятъ куда-то. Мѣстные вивёры и щеголи, — какой-нибудь тщательно выбритый и причесанный, но босой и въ однихъ кальсонахъ „стрѣлокъ“ или „кисетникъ“, — ухарски шутятъ съ красавицами. Иногда съ дѣловымъ видомъ подсаживается къ своей „марухѣ“ „котъ“, идутъ семейственные разговоры, счеты; бываютъ драки, т.-е., вѣрнѣе: „марухи“ избиваются „котами“. Но обыкновенно время проводится мирно. Чай — ужъ такое солидное занятіе.

Среди этихъ „торгующихъ тѣломъ“, — надо имъ отдать справедливость, крайне грязныхъ, пьяныхъ и тупыхъ, — женщинъ изо дня въ день возсѣдаетъ за чайнымъ столикомъ, съ коротенькой трубкой въ зубахъ, старая барыня.

Лѣтъ ей, правда, не особенно много—45—50, но выглядитъ барыня положительно старухой. Блѣдное, землистое, обвиснувшее мѣшками лицо, словно плавающіе въ какой-то жидкости тусклые глаза, сѣдой пучекъ волосъ на головѣ. А изо рта вмѣстѣ съ желтыми остатками зубовъ вѣчно торчитъ трубка. Едва-ли и во снѣ барыня съ ней разстается.

Одѣта барыня въ грязный капоръ, обычно безъ нижняго бѣлья, какъ и всѣ почти хитровскія дамы, держитъ себя солидно и просто. Въ каждомъ движеніи ея видна настоящая барыня, примирившаяся съ своимъ положеніемъ, но цѣну себѣ знающая.

Необыкновенно добродушное, веселое даже существо эта несчастная старая барыня. Вѣчно-то она что-нибудь кому ни на есть совѣтуетъ, участливо выслушиваетъ изстрадавшуюся бабенку, хотя и величающую сама себя „марухой", но все еще думающую свои простыя бабьи думы, проливающую дешевыя бабьи слезы... И, разсуждая, А. Я., — такъ зовутъ барыню, — дѣлаетъ сдержанные жесты, ни дать ни взять какъ въ хорошей гостиной.

А. Я. очень любитъ выпить. И ради этого занимается проституціей. Но и это дѣлаетъ какъ-то просто, словно безъ грязи. Добродушно взглянетъ на обожателя, потреплетъ его по плечу и притомъ не позволитъ себѣ ни малѣйшей сальности. Съ нею вообще можно прожить бокъ-о-бокъ недѣлю и не услышать отъ нея ни одного неприличнаго слова. И тѣмъ не менѣе А. Я., несо-

мнѣнію, профессіональная проститутка. Конечно, лишь въ настоящемъ своемъ печальномъ положеніи.

Я не разъ ломалъ себѣ голову надъ тѣмъ, что за субъектъ А. Я.? Человѣкъ она, несомнѣнно, образованный, у нея увѣренный, мужской почеркъ, довольно пространныя общія знанія. Она знаетъ, напримѣръ, въ какой странѣ протекаетъ рѣка Амазонка, знаетъ, кто такое былъ Петръ Амьенскій и нашъ Владиміръ Мономахъ, на звѣздномъ небѣ можетъ указать Большую Медвѣдицу, Плеяды и пр. общеизвѣстныя созвѣздія. Однимъ словомъ знаетъ много вещей, совершенно незнакомыхъ рядовой хитровской женщинѣ.

О своемъ прошломъ А. Я. говорить не любитъ. Знаю я только, что она была замужемъ, овдовѣла, бездѣтна. Есть у нея и родные; но относится она къ нимъ до крайности странно. Вполнѣ очевидно, что у нея съ ними сохранились безукоризненно хорошія отношенія и что они, тѣмъ не менѣе, вполнѣ не освѣдомлены относительно ея настоящаго положенія и профессіи. Словно соглашеніе какое-то между ними существуетъ.

Раза два въ годъ барыня пишетъ письмо сестрѣ. Та немедленно высылаетъ ей денегъ; А. Я, пріодѣнется и уѣзжаетъ съ Хитровки. Иногда надолго. Но рано или поздно, а возвращается. И переходъ отъ иной жизни, вѣроятно лучшей, къ сидѣнію въ чайной въ ужасномъ подвалѣ на Хитровкѣ какъ-то незамѣтенъ на ней. Все такая же она солидная, разсудительная, добродушно-веселая. И съ такою же усмѣшкой отправляется

хотя-бы въ первый-же день по пріѣздѣ въ компаніи со случайнымъ „гостемъ“ „подъ нары“.

Одинъ разъ она пропадала около года.

— На желѣзной дорогѣ служила, — просто разсказывала она, вернувшись.

И ни звука больше. Словно это самое обыкновенное дѣло: сегодня служить на желѣзной дорогѣ, а завтра проституировать на Хитровомъ рынкѣ.

А. Я. въ душѣ, несомнѣнно,—большой философъ. Но, удивительное дѣло, какъ хорошо, участливо даже, относятся къ ней ея подруги по несчастію. При этомъ она водится съ самыми заурядными, простыми бабенками: какая-нибудь бывшая примадонна или наѣздница ей не съ руки. Горды очень, да и грязны, безъ сомнѣнія...

А между тѣмъ ея сосѣдки по чайной знаютъ, что она барыня, мало того, даже сами барыней ее называютъ, даже отчасти относятся къ ней какъ къ барынѣ. Послѣднее, конечно, ради ея очевиднаго и признаннаго умственнаго превосходства.

И вотъ, когда я вижу это безусловно симпатичное существо, какъ оно, дряхлое и разбитое, поднимается вверхъ изъ подвала съ какимъ-нибудь „гостемъ“ такого вида, что не дай Богъ, чтобы и во снѣ приснился, у меня всякій разъ вспыхиваетъ мысль: „Да, полно, ужъ не больной-ли на самомъ дѣлѣ человѣкъ А. Я.? Не нужны-ли здѣсь вмѣшательство врача и врачебная помощь?“.

Но при видѣ ея благодушной улыбки эта мысль улетучивается, и попрежнему остается барыня для меня загадкой.

„ПО ПИСЬМАМЪ“.

Въ Москвѣ довольно сильно развитъ особый родъ промышленности, именуемый среди столичной бѣдноты „стрѣльбой по письмамъ“. Промыселъ этотъ состоитъ въ слѣдующемъ.

Занимающійся имъ „стрѣлокъ“,—если, конечно, это дѣятель серьезный, — прежде всего пріобрѣтаетъ себѣ хотя-бы даже подержанный адресъ-календарь Москвы, а иногда и Петербурга. По календарю онъ разыскиваетъ адреса лицъ, занимающихся частной благотворительностью, извѣстныхъ ему, а иногда и такихъ, которыя по его соображеніямъ кажутся ему людьми щедрыми и простодушными.

Запасшись адресомъ, „стрѣлокъ„ начинаетъ зондировать почву, какъ, съ какой стороны удобнѣе всего подойти къ „обстрѣливаемому“ субъекту. Разузнавъ, что кому требуется, онъ, глядя по обстоятельствамъ, относитъ письмо лично, отправляетъ его по почтѣ просто, а иногда и съ „отягчающими обстоятельствами“—съ приложеніемъ документовъ, которые раздраженные надоѣдливыми просителями адресаты обыкновенно не рѣшаются ра-

зорвать и бросить вмѣстѣ съ „слезницею“. „Стрѣлокъ“ является въ назначенное имъ время за документами и такимъ путемъ добивается свиданія если и не съ самимъ благотворителемъ, то хоть съ его прислугою. Но обычно не удается увернуться въ подобныхъ случаяхъ и „милостивцу“ лично.

„Стрѣлокъ по письмамъ“ постоянно долженъ памятовать, что затѣянное имъ предпріятіе часто кончается полицейскимъ протоколомъ или даже и тѣмъ, что въ просторѣчіи зовется „шейнымъ пластыремъ“.

Поэтому ходить на „стрѣльбу“ лично рѣшаются лишь немногіе смѣлые, большинство-же „стрѣлковъ“ народъ по природѣ своей миролюбивый и охотно предоставляетъ въ рискованныхъ случаяхъ подставлять за нихъ шею своимъ ближнимъ. „Стрѣлки“ по письмамъ въ огромномъ большинстѣ являются лишь антрепренерами, а дѣйствующими лицами выступаютъ „посланные“. „Посланный“—это на Хитровкѣ, гдѣ ютится часть „стрѣлковъ“, слово спеціальное, обозначающее лишь только однихъ посыльныхъ отъ „стрѣлковъ“ по письмамъ. Это опять особый родъ промышленниковъ и притомъ очень интересный:

Прежде всего „посланный“ долженъ обладать твердымъ характеромъ, чтобы, возвращаясь съ деньгами послѣ удачной командировки, голодный, еле живой отъ усталости и похмелья, не потратить принадлежащей „стрѣлку“ подачки. А это далеко не всякій сможетъ выполнить; разъ-же не доставивъ „отвѣта“ по адресу, „посланный“ утра-

чиваетъ общее довѣріе и вынужденъ обратиться къ другого рода профессіямъ: ни одинъ „стрѣлокъ“ во всей Москвѣ не дастъ ему больше своего „письма“.

Затѣмъ „посланный“ долженъ всегда имѣть приличную внѣшность, а это достижимо тоже только при очень большой силѣ характера: вѣдь живетъ-то онъ какъ-никакъ въ такой средѣ, гдѣ ни одна рубаха, ни одни сапоги или другія принадлежности туалета не изнашиваются владѣльцемъ, а пропиваются, обычно, черезъ нѣсколько часовъ послѣ пріобрѣтенія. А вѣдь „посланный“ по характеру и привычкамъ—тотъ-же хитровецъ.

Въ третьихъ, и это главное, „посланный“ долженъ быть не останавливающимся ни передъ кѣмъ пролазомъ: долженъ презирать опасность, откудабы она ни грозила ему. Настоящій испытанный „посланный“ не убоится разъяреннаго бульдога, остервенившагося „милостивца“, цѣлой толпы дворниковъ и городовыхъ. Онъ, конечно, и въ драку съ ними не полѣзетъ, но и не убѣжитъ, а просто будетъ импонировать своимъ лакейскимъ смиреніемъ: „Вѣдь не самъ я прошу, послали меня, человѣку услужить хочу“,—свидѣтельствуетъ все его существо и свидѣтельствуетъ такъ убѣдительно, что даже на домашнихъ собакъ дѣйствуетъ, кажется. Я, по крайней мѣрѣ, не знаю ни одного пострадавшаго во время экспедиціи „посланнаго“, хотя на моихъ глазахъ одинъ изъ нихъ „обстрѣлялъ“ покойнаго генерала Мина во время вооруженнаго возстанія въ Москвѣ. И генералъ далъ ему для передачи его антрепренеру, какому-то

отставному полковнику, десять рублей. При этомъ надо помнить, что въ тѣ дни крайне опасно было приблизиться къ генералу просто, а не то что съ „просительнымъ письмомъ“. И тѣмъ не менѣе то, о чемъ я говорю—фактъ.

Совершилъ этотъ подвигъ „посланный“ Е. Б., нынѣ уже устранившійся отъ дѣлъ и проживающій у себя на родинѣ, въ деревнѣ.

Отличительной чертою характера Б. была его удивительная незлобивость и, если можно такъ выразиться, индифферентизмъ ко всему, что-бы около него ни дѣлалось. Сидитъ, напримѣръ, Б. на нарахъ и кушаетъ картофель, а около него человѣка рѣжутъ. Онъ съ спокойнымъ любопытствомъ будетъ смотрѣть на убійство и... ѣсть картошку. А послѣ пойдетъ и разскажетъ объ этомъ кому-нибудь за чайкомъ просто, какъ самую обыкновенную исторію.

Б., человѣкъ уже пожилой и продѣлавшій нѣкогда русско-турецкую кампанію, являлся къ разнымъ лицамъ въ различныхъ, такъ сказать, видахъ.

Къ одному онъ приходилъ въ бѣломъ фартукѣ, рекомендуясь на кухнѣ благотворителя дворникомъ того дома, въ которомъ проживалъ проситель. Къ другому являлся въ поддевкѣ, съ грудью, увѣшанной орденами, вѣеромъ расчесавъ свою черную бороду и по-солдатски выпячивая грудь. Но громадные голубые глаза его всегда сохраняли при этомъ какое-то холодное равнодушіе ко всему и почтительность, за которой проглядывала безобидная насмѣшливость.

За свой трудъ Б. бралъ съ просителей 20 процентовъ. Впрочемъ, за очень трудныя командировки и больше, въ особенности тогда, когда зналъ, что въ данномъ случаѣ проситель дѣйствуетъ безъ всякаго основанія, на удачу. Къ родственникамъ прогулявшихся случайныхъ посѣтителей Хитровки Б. носилъ просительныя письма и даромъ.

Сдѣлавъ дѣло, Б. возвращался, входилъ въ „нумеръ“ и сначала обстоятельно сообщалъ всѣ подробности экспедиціи.

— Вхожу я въ парадную, позвонилъ. Выскочила горничная; молоденькая такая и съ бантомъ: розовый бантъ у нея на головѣ. „Хорошо,—говоритъ,—вы обождите, я сейчасъ доложу барину; они только-что встали, кофей кушаютъ“. Ушла. Сидѣлъ я, сидѣлъ въ передней, часа три сидѣлъ, Наконецъ, вижу: собакъ повели къ самому на показъ и котлеты за ними поваръ потащилъ на тарелкѣ... собачьи, значитъ котлеты. И собаки здоровенныя такія, шерсть мышатая, уши торчкомъ. „Остудить, — баринъ кричитъ,—котлеты!“. А потомъ и выходитъ. Въ туфляхъ, въ халатѣ, письмо подаетъ.—Вотъ,—говоритъ,—скажите, на этотъ разъ болѣе не могу. Да гдѣ онъ самъ теперь?—Это вы то-есть,—обращается Б. къ антрепренеру-стрѣлку.—Такъ и такъ, говорю, у насъ, въ домѣ. Прибѣгаютъ давеча утречкомъ, сходи ради Бога... Ну, я и пошелъ.—Ну, хорошо,—баринъ говоритъ.—Я тутъ, само собой, шапку въ охапку и сюда.

Затѣмъ Б. тщательно разглядываетъ конвертъ и, передавъ его стрѣлку, отправляется въ каморку пропустить чашечку и кстати размѣнять принесенныя деньги.

Въ молодости Б. былъ, по его словамъ, „по коридорной части“, служилъ въ большой петербургской гостиницѣ и тамъ именно и привыкъ, во-первыхъ, пить мертвую, а, во-вторыхъ, къ обращенію со всякаго ранга людомъ. Ему въ бытность коридорнымъ разъ, по его разсказамъ, даже графа одного пьянаго связывать довелось; поэтому онъ тогда уже утратилъ настоящее уваженіе къ „господамъ“ и при внѣшней почтительности относился къ нимъ съ затаенной насмѣшливостью. При томъ и хитровскіе кліенты его были почти всѣ бывшіе господа... А это вконецъ уронило въ его глазахъ всѣ высшія сословія.

Ремесло „посланнаго“ дало ловкому и аккуратному Б. возможность скопить немного деньжонокъ. И тогда онъ рѣшилъ, что потрепался достаточно и, расчесавъ свою бороду вѣеромъ и надѣвъ медали, уѣхалъ къ себѣ въ Курскую губернію.

И теперь его отъ простого, зауряднаго мужика-пахаря не отличишь.

„СТУДЕНТЪ“.

Въ смрадныхъ ночлежкахъ Хитрова рынка, бокъ-о-бокъ съ крупными и мелкими ворами разныхъ спеціальностей—подепщиками, нищими, проститутками—ютится сравнительно большая группа лицъ, на которую въ равной съ названными выше представителями московскаго лумпенпролетаріата мѣрѣ, распространено общее презрѣніе и которые, однако-же, заслуживаютъ какъ разъ обратно-противоположныхъ чувствъ. Я говорю о такъ называемыхъ „писаряхъ“ Хитровки, точнѣе, — о переписчикахъ театральныхъ ролей и пьесъ для библіотеки Разсохина, за свой воистину каторжный трудъ иногда называемыхъ каторжанами.

Правда, большинство писарей — люди малоразвитые, необразованные; но есть между ними и настоящіе интеллигенты. Я знаю нѣсколькихъ инженеровъ, студентовъ старшихъ курсовъ; зналъ одного врача, множество офицеровъ. Всѣ они нашли себѣ „тихую“ пристань на Хитровомъ рынкѣ, послѣ болѣе или менѣе бурной жизни, съ которой у нихъ были сведены всѣ счеты, порваны безвозвратно всѣ отношенія... Много нужно накуралесить интел-

лигентному человѣку, чтобы, наконецъ, отъ него отвернулись положительно всѣ. Среди писарей многіе стоятъ на самой глубинѣ моральнаго паденія, особенно выгнанные полицейскіе; всѣ они хорошо знаютъ причину своего несчастія; на измѣненіе участи надѣются почти всѣ, но реальныхъ плановъ не дѣлаетъ ни одинъ изъ нихъ: этого имъ не позволяетъ ихъ самосознаніе, громко и ясно заявляющее, что возврата къ прежнему для нихъ нѣтъ.

Среди этихъ безусловно достойныхъ лучшей доли тружениковъ—работаютъ они до двадцати (!) и болѣе часовъ въ сутки—я зналъ одно странное до нельзя существо, чистую, какъ кристаллъ, душу, всю свою жизнь незнавшую устали въ трудѣ, положительно неспособную на дурное дѣло.

Студентъ-математикъ Р. прежде всего самъ путемъ не зналъ, какъ онъ сдѣлался заправскимъ писаремъ, почему остался и жилъ на Хитровкѣ. Никогда онъ не жаловался, а на разспросы односложно возражалъ всякій разъ:

— Живутъ-же люди!

Вообще, Р. былъ очень неразговорчивъ. Даже пьяный. Пилъ Р. какъ-то отчаянно, до послѣдней копейки, а когда копеекъ было много, то до безпамятства. И пьяный спалъ, свернувшись калачикомъ и накрывъ свое изможденное тѣло рваннымъ пиджакомъ. до того поношеннымъ, что его даже на Хитровкѣ никто не покупалъ, хотя Р. неоднократно выносилъ его на продажу.

Р. былъ алкоголикомъ. Послѣ получекъ онъ сильно страдалъ похмельемъ, и, обуреваемый ду-

шовною мукой въ такія времена, иногда пытался разсуждать, разсказывать свою жизнь, оправдываться передъ кѣмъ-то. И, разсказывая „судьбу“, онъ самъ подчасъ пожималъ въ удивленіи плечами, словно не понимая, какъ, почему онъ здѣсь?

Однажды, весь трясясь отъ похмелья, онъ разсказалъ мнѣ про себя слѣдующее.

— До сихъ поръ не могу взять въ толкъ, зачѣмъ я здѣсь путаюсь. Т.-е. не путаюсь, а раньше путался, потому что теперь мнѣ отсюда выхода нѣтъ, ослабъ, я опустился, привыкъ пить и безалаберно существовать какъ ни попало.

Изъ университета меня выгнали за „обыкновенную исторію“; а, вѣрнѣе, за отсутствіе всякаго присутствія, за то, что у меня не было никакой почвы подъ ногами. Я, какъ баранъ, присоединился, движимый единственно стаднымъ инстинктомъ, однажды во время безпорядковъ къ демонстрантамъ, былъ арестованъ и изгнанъ. Убѣжденій товарищей я не раздѣлялъ, я, вообще, врагъ всякихъ необдуманностей, а за ними пошелъ по той-же причинѣ, вѣроятно, по которой здѣсь живу, т.-е. самъ не знаю, по какой.

Р. болѣзненно сморщился и съ удивленіемъ пожалъ плечами. Потомъ продолжалъ.

— Ну-съ, выставили меня, и пошелъ я у добрыхъ людей пороги обивать, уроковъ просить. Только напрасно: родители боялись училищной инспекціи, и меня, какъ неблагонадежнаго, брать къ своимъ чадамъ не желали. Но все-таки кое-какъ перебивался, жилъ среди человѣковъ и себя имѣлъ слабость человѣкомъ почитать.

Но недолго я такъ пожилъ. Иду я разъ „подъ вечеръ осенью ненастной“ мимо сей обители и думаю: сёмъ-ка я зайду, долбану чарочку съ горя? Авось хуже не будетъ?! Зашелъ, выпилъ, да въ номерѣ этомъ и заночевалъ. По той, главное, причинѣ: на дворѣ слякоть, дождь, а меня какъ разъ съ квартиры за неплатежъ согнали, и я къ товарищу за Спасскую заставу ночевать тащился. Ну-съ, заночевалъ, а ночью у меня сапоги съ брюками кто-то укралъ, я и остался здѣсь навсегда... Вскорости роли переписывать принялся и присяжнымъ каторжаниномъ задѣлался.

Р. снова съ недоумѣніемъ вздернулъ плечами.

— А вотъ, подите, не понимаю, не могу понять, ну, зачѣмъ я здѣсь? Неужели изъ-за брюкъ? Да мнѣ и теперь-то, черезъ пятнадцать лѣтъ, любой товарищъ если попросить, не только брюки, что угодно дастъ! А я вотъ остался и... живу...

И кажется мнѣ иногда, что по-просту тутъ ко двору пришелся, какъ говорится, т. е., что такой-же босякъ въ душѣ, какъ и всѣ здѣсь проживающіе... Правда, кое-когда и несправедливостью со стороны судьбы мнѣ кажется, что вотъ я, порядочный человѣкъ, а живу чортъ знаетъ съ кѣмъ и какъ. Вѣдь вотъ,—Р. кивнулъ головой на рыжаго субъекта, своего сосѣда,—этотъ хотя-бы господинъ изъ агентовъ сыскной полиціи изгнанъ, за растлѣніе шестилѣтняго ребенка судился, а я ни въ одномъ завѣдомо нечестномъ не только дѣлѣ, въ помышленіи передъ собой неповиненъ. А вѣдь я самый строгій себѣ судья! Ни одной мелочи себѣ не прощаю. И, право, думается мнѣ

иногда, что живу я здѣсь, руководясь слѣдующей, примѣрно, тенденціей: попалъ я въ лужу и лежу... потому что, вонъ, напротивъ меня, въ другой лужѣ, свинья лежитъ-же? А мнѣ почему не лежать, коли свинья лежитъ; чѣмъ я достойнѣе ея? Такой-же въ сущности боровъ...

— Каково философское самоопредѣленіе,— съ застѣнчивой улыбкой заключилъ Р. и снова съ недоумѣніемъ поднялъ плечи.— А все-таки... ей Богу, ничего не понимаю.

И онъ снова наклонилъ надъ работой свою лохматую голову.

Такъ и остался этотъ несчастливый человѣкъ неразгаданной загадкой и для всѣхъ окружающихъ. Да съ тѣмъ и умеръ, схвативши гдѣ-то воспаленіе легкихъ.

„ПѢВЕЦЪ“.

Пасмурное утро въ ночлежкѣ.

Около „каморки“ хозяина слоняются, какъ осеннія мухи, чающіе опохмелиться. Почти всѣ „пустые“, т.-е. безъ гроша. Слышатся тяжелые вздохи, иногда иной не выдержитъ:

— Иванъ Иванычъ, есть на тебѣ крестъ?

Иванъ Иванычъ выкатилъ впередъ обтянутое розовымъ ситцемъ брюхо и сонливо моргаетъ маленькими, свиными глазками. Передъ нимъ на непокрытомъ столѣ большой мѣдный чайникъ съ водкой разныхъ размѣровъ стаканчики и чашка съ намоченной въ водѣ клюквой. Вѣрнѣе—съ клюквой, плавающей въ грязи, ибо достаютъ ее изъ чашки пальцами. На полу вздымаются горою мѣшки съ винною посудой. Дѣло у Ивана Иваныча большое: въ день до двадцати ведеръ, случается, продастъ.

— Вы чего, — обращается онъ къ страдальцамъ, — чего тутъ носте?

— Выпить-бы, — раздаются нерѣшительные голоса.

— Селедку, должно-быть, ѣли?! — издѣвается хозяинъ, затѣмъ категорически заявляетъ:— Ваши деньги!

— Иванъ Иванычъ!..

— Ваши деньги! Безъ денегъ отцу родному капли не повѣрю, — рѣшительно говоритъ Иванъ Иванычъ.—А ныть станете — за дверь!

Около наръ появляется подметало: безобразный, громаднаго роста старикъ — „Орёлка“ по прозвищу. Въ рукахъ у Орёлки швабра.

— Ну, вы чего тутъ липнете?—вопрошаетъ онъ довольно сурово.

Чающіе выпить пятятся: Орелка старикъ незадумывающійся, притомъ очень сильный и злой.

— Хорошенько ихъ, Орелка, — высовывается изъ-за двери хозяйка. — Ишь, покоя человѣку не даютъ... Иди, Ваня, чай пить, — приглашаетъ она хозяина, — чего съ ими, съ лѣшманами, сидѣть! Пока Орелка отпустить можетъ, коли кому надо будетъ.

Въ это время съ шумомъ распахивается дверь, и въ номеръ вмѣстѣ съ клубомъ морознаго пара врывается огромное взлохмоченное, полуголое существо. Это теноръ З.; за нимъ, приплясывая, входитъ съ семиладной гармоніей тощій, весь согнувшійся гармонистъ Е. Оба они, и теноръ, и гармонистъ, пьяны.

Наружностью своею З. очень похожъ на Несчастливцева изъ „Лѣса“ Островскаго, какъ его ставятъ въ Маломъ театрѣ; трагической участью,

пожалуй, тоже. Худенькій гармонистъ Е. близокъ къ Аркашкѣ Счастливцеву изъ той-же комедіи: такой-же живой, трусливый и наглый.

Теноръ подходитъ къ двери каморки и обращается къ хозяину. Говоритъ онъ во все горло.

— Дай водки, Каинъ ты этакій!

— Ваши деньги,—равнодушно парируетъ Иванъ Ивановичъ, втайнѣ очень довольный предстоящимъ развлеченіемъ.

— У меня нѣтъ денегъ; дай мнѣ водки!—еще громче вопитъ теноръ. — Убью!!

Онъ входитъ въ каморку и поднимаетъ надъ толстякомъ свои большія, сильныя руки. Но хозяинъ отлично знаетъ, что З. мухи неспособенъ обидѣть. Поэтому онъ не трогается съ мѣста и говоритъ:

— Ты-бы лучше спѣлъ намъ, З.

Теноръ мгновенно оживляется.

— Ты, ты, змѣиная душа, хочешь, чтобы я, артистъ не только по паспорту, но и по душѣ, тебѣ спѣлъ?

— Да будетъ вамъ кричать, — вмѣшивается хозяйка.—Идите своей дорогой, нужно намъ ваше пѣніе.

— Оставь, — кротко удерживаетъ супругу Иванъ Иванычъ. — Не твоего ума дѣло. Видишь, ни ножа у него, ни образа: ни зарѣзаться, ни помолиться.

Пѣвецъ нѣсколько понижаетъ тонъ.

— Насколько-же тебѣ спѣть, Каинъ?—глубокомысленно спрашиваетъ онъ.

— Валяй на копейку.

Теноръ выходитъ на середину каморки, становится въ позу и проведя рукой по курчавымъ, сѣдѣющимъ волосамъ, запѣваетъ надтреснутымъ, срывающимся голосомъ какую-нибудь арію.

Хозяинъ и осмѣлѣвшіе, рѣшившіеся подойти поближе къ Орелкѣ „страдальцы“ молча слушаютъ.

„Мнѣ все здѣсь на память приводитъ былое“...— заливается З. уже растроганнымъ голосомъ, свирѣпо оглядывая своихъ слушателей выпученными глазами.

Голосъ у пѣвца плохой, мелодія пьесы вся исковеркана, но ночлежка жадно слушаетъ. Гармонистъ Е., задравъ кверху голову, дожидается очереди. Наконецъ, З. кончаетъ, и вся ночлежка покатывается съ хохоту. Больше всѣхъ хохочетъ „самъ“. З. недоумѣнно оглядываетъ хохочущихъ. Наконецъ, опомнившись, величаво подходитъ къ столу и требуетъ:

— Деньги!

Иванъ Иванычъ выкидываетъ ему мѣдную копѣйку. Тутъ-то и начинается, такъ сказать, „гвоздь“ представленія.

Получивъ монетку, З. подходитъ къ Орелкѣ, швыряетъ копейку на столъ и безапелляціонно произноситъ:

— Налей!

Орелка въ это время кушаетъ селедку, Кушаетъ онъ ее обыкновенно такъ: возьметъ неочищенную селедку, даже не обмоетъ ее, и съѣстъ всю, съ головой и хвостомъ. И руки послѣ этого вылижетъ.

— Чего еще?—сердито вопрошаетъ онъ пѣвца.

— Налей,—повторяетъ тотъ.

— Это на копейку-то?— удивляется Орелка.

— Ты говорить... гадъ? — свирѣпо выкатывая глаза и подымая надъ Орелкой руки, вопитъ З.

Въ дѣло вступается хозяинъ.

— Палей,—примирительно говоритъ онъ Орелкѣ и обращается къ З. — Ну, подходи, что-ли... прорва!

Пѣвцу за копейку наливаютъ наперстокъ. Обыкновенный наперстокъ для шитья. З. съ серьезнымъ лицомъ беретъ его двумя пальцами и съ наслажденіемъ пьетъ. Закусивъ клюквой, онъ нѣкоторое время стоитъ въ нерѣшительности. Потомъ направляется къ двери.

— Стой,—кричитъ ему вслѣдъ хозяинъ.—Катай еще на семитку!

Теноръ останавливается и, смѣривъ его съ головы до ногъ невыразимо презрительнымъ взглядомъ, молча повертывается и уходитъ.

Карьера З. и его спутника—гармонистъ всюду шляется за теноромъ, хотя тотъ никогда не позволяетъ ему аккомпанировать себѣ, презирая „плебейскій инструментъ"—гармонію,--очень несложна: во всю свою сознательную жизнь они не сдѣлали ни одного безчестнаго поступка и во всю свою жизнь не бывали не пьяны безъ особо уважительныхъ на это причинъ.

Познакомились и сошлись они еще въ консерваторіи. На обоихъ возлагались ихъ профессорами когда-то большія надежды. Но ни второго Мазини изъ тенора, ни Паганини изъ скрипача не вышло. Оба они что-то очень скоро „сошли съ рельсовъ" и послѣ короткой разлуки снова встрѣтились — сперва въ большомъ ресторанѣ, въ оркестрѣ,

потомъ въ „заведеніи безъ древнихъ языковъ“ и, наконецъ, на эстрадѣ въ работномъ домѣ, гдѣ они находились на призрѣніи. Завершилась вся ихъ жизненная эпопея Хитровымъ рынкомъ, при чемъ скрипачъ перемѣнилъ свой инструментъ на семирядную гармонику и вслѣдствіе этого быстро прославился на всю округу.

3.—натура богато одаренная, какъ-будто легко переноситъ свою участь. И только по тому, что даже пьяный выбираетъ онъ для пѣнья всегда захватывающіе, задушевные или-же прямо скорбные мотивы. По тому, какъ дрожитъ и вибрируетъ при исполненіи ихъ его пропитой голосъ, какъ страдальчески морщится его лицо — видно, что, охъ! какъ нелегка, на самомъ дѣлѣ, ему его теперешняя горькая жизнь. Самое дорогое во всякой поэзіи, вспышки недюжиннаго таланта, какъ золотыя зерна вспыхиваютъ въ его пѣніи, тогда какъ само это пѣніе давно уже напоминаетъ нѣчто похожее на лошадиное ржаніе. И когда онъ пьяный, поетъ и видитъ вокругъ себя напряженныя отъ сдержаннаго смѣха лица слушателей, которые ждутъ только конца, чтобы расхохотаться, такая невыразимая больная тоска безумнымъ огнемъ загорается въ его обычно мутныхъ глазахъ, что жутко становится и хочется подальше уйти отъ этого бьющагося въ смертельной агоніи человѣка.

„АРТИСТЪ“.

Высокій, сутулый старикъ, весь заросшій, не въ примѣръ „липовымъ“ (поддѣльнымъ) артистамъ-стрѣлкамъ, курчавой сѣдой бородой. Все въ немъ крупное, большое: носъ, губы, руки и... характеръ. Размашистая, широкая русская натура, когда-то не знавшая удержу. Страшно вспыльчивъ, звѣрь въ-сердцахъ, ангелъ въ добрую минуту. Въ прошломъ богатая, красочная жизнь.

Чего только не перевидалъ отставной артистъ Императорскихъ театровъ Б., нѣкогда подававшій большія надежды басъ, о которомъ я говорю! Чего не было въ его долгой жизни! И искреннее служеніе святому искуству—и гомерическія попойки, и тысячные рысаки, и масса разбитыхъ женскихъ жизней, и много скользнувшихъ между пальцами милліоновъ. Обычный curriculum vitae талантливаго русскаго самородка: много добрыхъ задатковъ, силы, а при подсчетѣ налицо одни лишь пьяные курбеты, масса слезъ, проклятій, подлостей и... нищета. И, что хуже всего, — нищета духовная.

Въ молодости Б. дружилъ съ покойнымъ Лентовскимъ, былъ кумиромъ сибирскихъ купчихъ, спустилъ нѣсколько состояній. Я-же познакомился съ нимъ впервые, когда онъ... держалъ ночлежную квартиру на Хитровомъ рынкѣ. Да и ту-то дали ему, главнымъ образомъ, изъ милости, и продержалъ онъ ее недолго.

Но и тамъ, на Хитровкѣ, жила съ нимъ въ его „нумерѣ“ замѣчательной красоты женщина, бывшая опереточная дива. И, очевидно, не скучала съ обтерканнымъ старикомъ, торговала водкой, а въ добрыя минуты распѣвала съ нимъ дуэты, какіе были въ модѣ лѣтъ тридцать тому назадъ.

И въ номеръ къ старому артисту стекались охотно такіе-же, какъ онъ, ветераны—преимущественно, правда, разныхъ степеней шантановъ. Были тутъ и одряхлѣвшіе наѣздники, пѣвицы цыганскихъ романсовъ, жонглеры, престидижитаторы, драматическіе актеры и даже обнищавшіе меценаты. Послѣдніе, несмотря на лохмотья, были полны барской спѣси и при деньгахъ свысока третировали и артиста, и его прислужниковъ-подметалъ (тоже изъ отставныхъ сценическихъ дѣятелей).

Вся эта ватага, какъ бабочки ночью на свѣтъ лампы, тащилась къ Б. и несла къ нему выпрошенные на улицахъ семитки и гривенники. Все влекло ихъ туда: и воспоминаніе о прошломъ, и „своя“ среда, и неразбавленная, какъ у прочихъ корчемниковъ, сивуха. Но больше всего привлекала ихъ сожительница Б., отставная опереточная дива.

Дама эта, кромѣ, дѣйствительно, рѣдкой красоты, обладала еще глоткой хорошаго кучера и ругалась, какъ пьяный боцманъ, Всѣ вещи она называла ихъ именами, а это звучало на ея хорошенькихъ губкахъ особенно пикантно, по мнѣнію ея кліентуры,

Къ ночлежникамъ она относилась свысока, какъ и прочія хозяйки ночлежныхъ квартиръ, будила ихъ по ночамъ при сборѣ денегъ „за могилу", т. е. за ночлегъ, длинной камышевой тростью. Но иногда она снисходила для нихъ и, говорятъ даже, что у нея былъ чуть-ли не романъ съ однимъ прогорѣвшимъ фабрикантомъ, случайно получившимъ откуда-то крупную подачку.

Характерная фигура Б. глубоко врѣзалась мнѣ въ память послѣ одного вечера, проведеннаго у него. Какъ теперь вижу передъ собой на фонѣ желтыхъ, подернутыхъ плѣсенью стѣнъ, около высокихъ наръ, въ ужасно пахнущей атмосферѣ, его курчавую, сѣдую бороду, широкую бѣлую шею и нервное лицо съ легка вздернутымъ носомъ. Высокій и широкоплечій, въ бѣлой косовороткѣ съ расшитымъ воротомъ, Б., плавно взмахивая рукой, выводитъ могучимъ, свободнымъ басомъ:

„Ты взойди, взойди, солнце красное"...

На столѣ около наръ—четверть водки и всякая туземная снѣдь: яйца—на 1 копейку 3 штуки, поросенокъ, „ушибленный заборомъ", т. е. дохлый, селедочныя головы, капуста, „куски". За столомъ—хороводъ лицъ! Покойный профессоръ Ломброзо годъ жизни отдалъ-бы за право помѣстить ихъ

въ свой альбомъ дегенератовъ и прирожденныхъ преступниковъ.

Что можетъ быть жальче и ужаснѣе отставного лицедѣя въ лохмотьяхъ? А тутъ они вдобавокъ еще пьяны, какъ стельки. Но пѣсню чутко слушаютъ и... чувствуютъ: многіе изъ нихъ горько плачутъ подъ ея звуки. Хорошо пѣлъ въ былое время Б., когда бывалъ въ ударѣ, т. е. слегка выпивши.

Начальствованія надъ ночлежкой Б. лишился по глупости, какъ говорили о немъ на Хитровкѣ.

На „Мудромъ" рынкѣ, какъ извѣстно, проживаетъ множество спеціалистовъ по части всяческихъ „художествъ". Недаромъ хитровецъ боится у другого хитровца какую-нибудь серебряную или золотую вещь пріобрѣсти; какъ разъ наскочишь на „липу", т.-е. на фальшь.

Впрочемъ, не только благородные металлы, тамъ фабрикуютъ рѣшительно все, на что ловится обыватель: душистое мыло, карамель, бинокли, бритвы, документы. Все это никуда негодное, поэтому дешевое. А обыватель падокъ на эти штуки.

На одну изъ такихъ „удочекъ" поймался и Б.

Ночевалъ у него однажды молодчикъ, оставилъ на сохраненіе въ каморкѣ ящичекъ, утромъ ушелъ и болѣе года не появлялся. Тогда Б. вскрылъ шкатулку и нашелъ въ ней все, нужное для того, чтобы ставить на золото и серебро пробу. И старикъ соблазнился и сталъ понемногу „постукивать", по хитровскому выраженію.

Но „постукивалъ" онъ недолго: настоящаго

опыта въ сбытѣ не было, и онъ, очевидно, обратилъ на себя вниманіе гдѣ-нибудь въ ссудной кассѣ.

Кончилось дѣло тѣмъ, что приходитъ однажды къ нему въ номеръ кліентъ, протягиваетъ колечко, и проситъ „стукнуть“, т.-е. поставить пробу. Б., недолго думая, „стукнулъ“, а кліентъ ушелъ. Вскорѣ онъ вернулся съ городовымъ и дворникомъ и арестовалъ Б.

Какъ потомъ оказалось, кліентъ былъ агентомъ сыскного отдѣленія и давно уже выслѣживалъ Б.

Б. судили и посадили въ тюрьму, И послѣ этого онъ опустился окончательно: сталъ профессіональнымъ стрѣлкомъ и алкоголикомъ.

Согбенный старостью и несчастіемъ, съ бѣлой бородой, стоитъ Б., какъ библейскій старецъ гдѣ нибудь на углу многолюдной улицы, пьяный и жалкій, и, сдерживая свой могучій басъ, тихо рокочетъ:

— Бывшему солисту Большого театра... Господинъ, сдѣлайте милость...

И вытягиваетъ впередъ свою широкую ладонь...

„БѢЛЫЯ СПИНКИ“.

Въ производствѣ строительныхъ работъ существуетъ родъ труда, требующій такой ломки здоровья, что его великодушно оставляютъ въ безраздѣльное завѣдываніе наиболѣе здоровой части населенія Хитрова рынка. Я говорю о носкѣ кирпича на строящіяся зданія.

Московскіе золоторотцы, „злая рота“, какъ они называютъ сами себя, для носки кирпича надѣваютъ на спину традиціонный жилетъ русскаго переносчика тяжестей съ длинною, почти до колѣнныхъ сгибовъ, холщевою спинкою, посерединѣ которой у волжскихъ ключниковъ, напримѣръ, укрѣплена полка — упоръ для тяжестей. Отсюда у подносчика кирпича и прозвище — „бѣлая спинка“.

Кирпичи „бѣлыя спинки“ носятъ на „козѣ“, очень оригинальномъ приспособленіи, близко напоминающемъ вьюкъ одногорбаго верблюда. На козѣ укладываются 28—30 (а иногда и больше) кирпичей, вѣсомъ около девяти пудовъ, и съ этой ношею „бѣлая спинка“ поднимается по „лѣсамъ“

на 4-й, 5-й, 6-й этажъ строящагося дома. При этомъ надо сказать, что вся тяжесть сосредоточивается непосредственно на крестцѣ.

Работа эта настолько непомѣрно тяжела, что выполнять ее могутъ только самые сильные люди и притомъ очень короткій срокъ — два, три сезона. Рѣдко больше. И за работой они для поддержанія силъ часто должны большими дозами пить водку — иначе свалишься, потому что работа эта недаромъ зовется „ломовою". Дѣло въ томъ, что тяжесть въ 9—10 пудовъ на громадную высоту по почти вертикальнымъ мосткамъ впору втащить доброй лошади, да и та долго не проработаетъ... Словомъ, при этой работѣ отъ человѣка требуется выносливость и сила тяжеловоза. И это не преувеличеніе: „бѣлая спинка" въ день выноситъ до 2 съ половиною тысячъ кирпичей, что равняется почти 900 пудамъ.

Для того, чтобы работа шла спорѣе, подрядчики заставляютъ „бѣлыхъ спинокъ" работать отъ тысячи штукъ и носить артелями: артельщики сами будутъ въ своихъ интересахъ слѣдить другъ за другомъ и плохого работника не потерпятъ. Предводительствуетъ такою артелью обыкновенно такъ-называемый „батырь".

Проработавъ строительный сезонъ, порядкомъ надорвавъ здоровье, „бѣлая спинка" зимою вынужденъ обращаться ко всякаго рода „художествамъ". Онъ „пришѣваетъ" около выпивающихъ, барышничаетъ, „стрѣляетъ", даже воруетъ. Странно и жалко видѣть дѣтину, который по росту и сложенію стѣну можетъ своротить, мерзнущаго,

согнувшись, около безплатной столовой, у „Ручкина“, или семипушечнымъ басомъ выпрашивающаго „на могилу“ гдѣ-нибудь на занесенномъ снѣгомъ бульварѣ. Но голодъ не тетка, и „бѣлая спинка“ художествами по зимамъ не только занимается, но и кормится.

Одного изъ нихъ, человѣка изъ такихъ, про которыхъ еще Некрасовъ сказалъ, что „онъ до смерти работаетъ, до полусмерти пьетъ“, узналъ я во время такого оригинальнаго обстоятельства. „Бѣлыя спинки“ предприняли на Хитровомъ рынкѣ походъ противъ мелкихъ воришекъ—„кисетниковъ“, жестоко избивая и изгоняя ихъ съ площади и изъ ночлежекъ. Дѣломъ этимъ „бѣлыя спинки“ занялись „рѣшительно и съ усердіемъ“, и много „кисетниковъ“ и „огольцовъ“ попало въ этотъ день съ разными увѣчьями въ пріемные покои и больницы. Было это, помнится, лѣтъ десять тому назадъ.

Федька Бѣдность, „бѣлая спинка“, о которомъ я говорю, малый неукротимый и словно весь кованный изъ желѣза, усердствовалъ не меньше другихъ и, по его словамъ, „сбилъ себѣ всѣ мосолыжки на рукахъ“ о преслѣдуемыхъ воришекъ. Поэтому, уже подъ вечеръ онъ, изловивъ какого-то тщедушнаго парнишку и подмявъ его подъ себя, ухвативъ „песочнику“, т.-е. булыжникъ съ очевиднымъ намѣреніемъ хватить имъ „кисетника“ по „куполу“—по черепу иными словами.

— Ты что дѣлаешь?—вскрикнулъ я, подбѣгая къ нему.

Бѣдность бросилъ „кисетника“, поспѣшившаго

улизнуть, и кинулся ко мнѣ. Но „песочинку“, тѣмъ не менѣе, бросилъ и черезъ полминуты бурливаго гнѣва „образумился“ и, плюнувъ, отправился хватить съ горя и съ устатку „тройнушку“.

Проживалъ Бѣдность лѣто и зиму у одного и того-же „батыря“. Лѣтомъ носилъ кирпичи; зимой стрѣлялъ по буднямъ, а по праздникамъ околачивался у Сухаревой, подносилъ купленные тамъ обывателями вещи до дома, получая за это пятакъ и гривенникъ, которые тутъ-же и пропивалъ. Если попадалась тутъ подвыпившему Бѣдности вещь „безъ хозяина“, какъ онъ говорилъ, то онъ тащилъ ее съ собою на „Мудрый“ рынокъ и, продавъ тамъ, пропивалъ.

Пьяный Бѣдность становился посмѣшищемъ всего нумера и откалывалъ такія шутки, что послѣ самъ удивлялся, какъ только его Богъ спасъ. Человѣкъ онъ былъ и трезвый, смѣлый до-нельзя, пьяный-же положительно не останавливался ни передъ чѣмъ. Я лично видѣлъ, какъ во время паводка, когда надо было удержать оторвавшуюся баржу, Федька Бѣдность бросился съ высоты Москворѣцкаго моста въ крутившуюся около баржи лодченку и, поймавъ, привезъ, какъ ни въ чемъ не бывало, канатъ на берегъ.

Къ тому-же тѣло Федьки было какое-то особенное.

Входитъ онъ пьяный въ праздничный вечеръ и начинаетъ безотвязно приставать къ хозяину, своему батырю.

— Пойдемъ, Кузьмичъ, стукнемся по разику, по любезному!

Долго терпитъ батырь; потомъ возьметъ, что подъ руку подвернется потяжелѣе, полѣно-ли, ножку-ли отъ кровати или просто палку отъ швабры, и начинаетъ изо всей силы колошматить несчастнаго Федьку. И только что кончитъ, какъ тотъ уже снова вскочитъ и примется за него. Продолжалось это обыкновенно до тѣхъ поръ, пока батырь не засучивалъ рукава и начиналъ бить Бѣдность въ „серьезныя“ мѣста: „подъ дыхало“, „подъ микитки“ и въ прочія, дѣйствительно, болѣзненныя и опасныя области тѣла. Тогда Бѣдность принимался плакать о томъ, что его убили, а потомъ ложился спать и утромъ вставалъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

Пьяный Бѣдность величалъ себя почему-то Евгеніемъ и такъ неистово оралъ на дворѣ и на площади, что за укрощеніе брались даже дворники. Но онъ и ихъ не боялся, хотя попасть въ руки дворникамъ Хитрова рынка боятся самые отчаянные сорви-головы. Прежде всего потому, что на дворникахъ надѣты тяжелые, подбитые гвоздями сапоги и во время избіенія они не жалѣютъ ихъ.

Пролетитъ иной разъ Федька Бѣдность ступеней 30 по каменной лѣстницѣ кубаремъ и, долетѣвъ донизу, пойдетъ въ присядку. Словомъ, не человѣкъ, а желѣзо по крѣпости.

Лицо у Бѣдности самое добродушное и глупое. Притомъ рябое. Разговоры больше сводятся къ односложнымъ восклицаніямъ. И если не работаетъ Федька и не „гомозится“ пьяный, то, на-

вѣрное, спитъ. Но каково-же было мое удивленіе, когда однажды въ мои руки попала паспортная книжка „бѣлой спинки“

Оказался Федька пѣхотнымъ офицеромъ, состоящимъ въ запасѣ арміи.

„КУКЛИМА“.

По зимамъ на Хитровомъ рынкѣ свирѣпствуетъ тифъ. Городская санитарія борется съ нимъ, какъ умѣетъ, но тифозныя бациллы, какъ побѣдоносная рать, смѣются надъ усиліями людей сколько-нибудь сократить ихъ смертоносную ярость. Въ ночлежкахъ моютъ и скребутъ нары, ходитъ врачебный дозоръ, а въ ужасныхъ лохмотьяхъ ночлежниковъ плодится и множится зараза.

По улицамъ, ведущимъ къ городскимъ больницамъ для чернорабочихъ, тянутся длинные обозы извозчиковъ, подвозящихъ больныхъ изъ лѣчебницъ. А изъ больницъ по утрамъ выѣзжаютъ большіе фургоны съ мертвыми тѣлами, направляясь къ кладбищамъ. Нехорошо становится на душѣ, когда видишь сидящихъ по два на извозчикѣ блѣдныхъ, трясущихся людей въ черныхъ бобриковыхъ халатахъ и въ хитровскихъ „елкасахъ“ на головахъ: знаешь, что большинство этихъ несчастныхъ— кандидаты въ „мертвые фургоны“,

У больничныхъ врачей даже терминъ особый

выработался: вмѣсто прежняго „mors“, уже понятнаго приговореннымъ къ смерти, они говорятъ просто: „сыграетъ въ ящикъ“, говорятъ, само собою, по-латыни.

Зимою городскія больницы завалены обывателями Мудраго рынка. Рѣдкій изъ нихъ хотя разъ за зиму не схватитъ какую-либо форму тифа; при этомъ похворать, вѣрнѣе—полежать въ больницѣ для большинства—одно удовольствіе. Доходитъ до того, что больнымъ завидуютъ здоровые, которымъ, правда, приходится терпѣть горе, но зато не улыбается пока-что перспектива „сыграть въ ящикъ“.

Есть даже спеціалисты по части симуляціи болѣзней. Бактеріологическое изслѣдованіе крови, конечно, устанавливаетъ отсутствіе дѣйствительной болѣзни, но... изслѣдованіе-то производится уже въ больницѣ, а тамъ, коли попалъ на положеніе тифознаго, то—боленъ или здоровъ, а двѣ недѣли прожить можешь. Опытнаго врача или фельдшера, конечно, провести, куда мудрено, но, бываетъ проводятъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я заразился на Хитровкѣ тифомъ, былъ установленнымъ порядкомъ отправленъ въ больницу и тамъ познакомился съ „Куклимой“.

Это былъ господинъ странный во всѣхъ отношеніяхъ: по фамиліи, по профессіи и по характеру.

Во-первыхъ самое названіе „Куклима“ было уже совсѣмъ фантастическое. „Куклима“ на жаргонѣ тюрьмы и Хитрова рынка означаетъ нѣчто вродѣ „генерала Кукушкина“. „Показаться на Кук-

лиму"—значитъ назвать себя судебной или полицейской власти чужимъ, несуществующимъ именемъ.

Во вторыхъ, профессія „Куклимы" была тоже не изъ обыкновенныхъ. Былъ онъ отчасти воръ, отчасти сутенеръ, отчасти-же вольный художникъ—церковный пѣвчій. Правда, тенорокъ у него былъ, какъ говорится, собачій, но доходъ нѣкоторый все-таки приносилъ.

„Куклима" въ компаніи съ нѣсколькими ветеранами пѣвческихъ капеллъ пѣлъ въ церквахъ въ теченіе постовъ и по праздникамъ; въ прочее время отхватывалъ залихватскія плясовыя и другія пѣсни, расхаживая подъ предводительствомъ гармониста по нумерамъ.

Странное явленіе эти пѣвцы на Хитровомъ рынкѣ. Вообразите себѣ ночлежную квартиру, удушливый воздухъ, вонь, томительное отчаяніе, навѣянное безысходностью положенія и похмельемъ. И вдругъ въ эту юдоль скорби и тяжелыхъ вздоховъ врываются разухабистые звуки „Барыни", сопровождаемые топотомъ пляски. А потомъ несется пѣсня, отъ которой еще больше тоскуетъ сердце.

А характеръ „Куклимы" проявлялся слѣдующимъ образомъ.

Тяжело больной, доставленный поздно ночью изъ полиціи, „Куклима" первое время испуганно молчалъ и только озирался по сторонамъ, какъ пойманный звѣрокъ. Видимо, онъ впервые былъ въ больницѣ, а, пожалуй, и серьезно боленъ былъ въ первый разъ: парень онъ былъ очень еще мо-

лодой,—и вся необычная обстановка больницы сильно напугала его. Вообще съ вечера „Куклима“ былъ робокъ и прямо жалокъ. Но на утро онъ оглядѣлся, перекинулся словомъ съ подвернувшимся знакомымъ и, хотя и страдалъ отъ болѣзни, но сразу почувствовалъ себя въ той сферѣ, въ какой можно было развернуть и обнаружить свои таланты.

Онъ принялся хныкать, привередничать, жаловаться, а когда докторъ спросилъ про него у дежурной сердобольной, не вскакивалъ-ли онъ ночью, такъ какъ онъ, очевидно, алкоголикъ, и сказалъ, что за нимъ нуженъ бдительный надзоръ, онъ сдѣлался совсѣмъ невозможенъ. Къ вечеру „Куклима“ началъ бредить. Онъ ругался, хохоталъ, вскакивалъ и бросался въ коридоръ. Одинъ разъ его едва успѣли схватить на крыльцѣ. Словомъ, измучилъ сидѣлокъ и надоѣлъ всѣмъ больнымъ. И тогда за него взялся одинъ изъ своихъ.

Громадный дѣтина съ всклоченной бородой, шатаясь отъ слабости, подошелъ къ кровати „Куклимы“, около которой суетился приставленный для порядка дядька, и, не повышая голоса, спросилъ:

— Долго будешь гужеваться, тварь?

„Куклима“ поднялъ глаза и сразу затихъ. Передъ нимъ стоялъ одинъ изъ хорошо извѣстныхъ ему „ребятъ“, и онъ понялъ, что надъ нимъ куражиться неудобно.

— И чтобы не слыхать тебя было! — властно повторилъ больной изъ „ребятъ“ и, постоявъ еще

нѣкоторое время около „Куклимы“, легъ на свою кровать.

Въ палатѣ воцарилась тишина.

На другой день температура у „Куклимы“ пала, но онъ пересталъ отвѣчать на вопросы, пересталъ ѣсть. Худой, съ темнымъ лицомъ и широкими синими кругами подъ глазами, лежалъ онъ неподвижно, какъ безчувственный, на кровати ровно семь сутокъ. Не ѣлъ, не говорилъ ни съ кѣмъ ни слова. И только по ночамъ осторожно подымалъ голову и украдкой оглядывалъ палату.

На седьмой день, въ великолѣпное солнечное утро, „Куклима“ воскресъ. Онъ всталъ съ постели и, не говоря ни слова, подошелъ къ печкѣ. На одномъ изъ залитыхъ свѣтомъ изразцовъ засѣдала компанія мухъ. „Куклима“ взмахнулъ рукой, захватилъ, сколько могъ, мухъ и, снова не говоря ни слова, легъ на свою постель.

Что означалъ этотъ фортель—не знаю, но только врачъ отдѣленія, человѣкъ безусловно гуманный, заподозрѣвъ уже давно безцѣльную симуляцію сумасшествія со стороны „Куклимы“, прямо и просто спросилъ у него:

— Дурака валяешь?

— Что-же мнѣ не валять?—нагло отвѣчалъ „Куклима“. У меня оброкъ заплаченъ. Зачѣмъ держите меня здѣсь? Уморить хотите? И буду валять!

Врачъ отошелъ въ недоумѣніи, не зная, что предпринять. И вдругъ въ палатѣ раздалось истерическое рыданіе. Докторъ оглянулся: рыдалъ „Куклима“. Онъ вернулся и, положивъ ему на плечо руку, спросилъ мягко:

— Да что съ тобою, парень? Чего ты все колобродничаешь? Какая тебя муха кусаетъ, говори?

— Мать вспомнилъ!—снова нагло отвѣтилъ „Куклима“,продолжая рыдать.

На другой день „Куклиму“ выписали за озорство. И никому не пришло въ голову, что вышло все такъ—потому, что на затравленнаго жизнью хитровца страшно подѣйствовала необычная обстановка больницы и пробудила въ немъ потребность... поломаться, потѣшиться, вознаградить себя за заброшенность въ теченіе долгихъ лѣтъ.

„БАРЫГА“.

Хитровъ рынокъ не могъ-бы существовать, не имѣя по близости постояннаго мѣста сбыта и пріобрѣтенія мелкихъ товаровъ, потому что все населеніе его почти сплошь—мелочные торгаши. Хитровскій писецъ, ремесленникъ, поденщикъ, воръ, проститутка и т. д. не могутъ дня просуществовать безъ купли-продажи. На всякую принадлежность одежды или обуви, на домашнюю утварь, на орудія ремесла смотрятъ, какъ на мѣновую цѣнность, за которую можно пріобрѣсти соотвѣтственной стоимости нужную вещь. При этомъ на Хитровомъ рынкѣ цѣнностью считается даже такая ветошка, которая въ другомъ мѣстѣ попала-бы на помойку.

Возьмите, напримѣръ, любого мѣстнаго франта, съ жестяной „бадейкой“ въ рукѣ, вихремъ перелетающаго занесенную снѣгомъ площадь, сидящаго „на якорѣ“ на обледенѣломъ тротуарѣ, дующагося подъ балаганомъ на кулачки „по-любезному“ съ другимъ такимъ-же франтомъ. Одѣтъ онъ

съ головы до ногъ и достаточно тепло, чтобы въ случаѣ надобности даже цѣлый день проработать на морозѣ, а костюмъ его, между тѣмъ, стоитъ всего 12 копеекъ. Расчетъ таковъ: „чуньки“ или „опорки“—2 к., „елкасъ“ (картузъ)—1 к., „хламида“ на ватѣ съ веревкою для пояса — 5 к., „гультики“ (невыразимые)—3 к. и „бобочка“ (рубаха)—1 к. И это не преувеличеніе. Надо только оговорить, что вещи эти, называемыя „смѣнками“, вмѣстѣ съ гнѣздящейся въ нихъ фауной стоятъ дешевле, нежели „выжаренныя“ или вымытыя. „Жареную“ рубаху за 1 к., само собой, не купишь; но зато съ паразитами такихъ размѣровъ, что ихъ на 1 фунтъ, по мѣстному повѣрью, идетъ лишь 3 штуки, можно иногда и даромъ подобрать.

То-же самое и со съѣстными припасами. Хитровъ рынокъ кормится отбросами, чаще всего подобранными на городскихъ свалкахъ нечистотъ. Я лично однажды выгащилъ въ купленной мною „бульонкѣ“ остовъ обглоданнаго рябчика, другой при мнѣ въ ней-же отыскалъ серебряную ложку—признакъ несомнѣнной близости помойнаго ведра. Сычуги, рубцы, „обрѣзки“, всякаго сорта рыбныя головы, вареныя яйца, жареные поросята, куры, гуси, утки и проч. тварь,—все это даже непонятно, какъ до смерти не отравляетъ людей. Вѣдь жареный гусь стоитъ тамъ 40—50 к., а поросенокъ—гривенникъ. Остального-же на 1 коп. даютъ столько, что одному и не съѣсть.

Кромѣ всего этого, на Хитровомъ рынкѣ можно, купить на 1 копейку, чего душа пожелаетъ: хлѣба, чаю, сахару, какого угодно сорта сыра,

колбасы, икры, лимонъ, конфектъ, фруктовъ и т. д. Дѣлается это просто: 1 фун. колбасы, напримѣръ, рѣжется на 60 кусковъ, и каждый кусокъ продается по копейкѣ Такимъ образомъ, 15-копеечная колбаса продается по 60 копеекъ за 1 фунтъ.

Въ ночлежкахъ Хитрова рынка фабрикуютъ скверныя папиросы по 6 шт. на 1 коп., шьютъ изъ лоскутьевъ брюки и сюртуки, продаваемые за новые, работаютъ обувь, про которую сами-же говорятъ, что „Богу молиться въ ней можно, а на колѣни становиться нельзя"; вообще, всякую дрянь, чтобы не сказать больше.

Вся эта дрянь требуетъ рынка, самая-же Хитровка для этой цѣли не подходитъ: „на рынкѣ" вещь, прежде всего, могутъ просто „отвернуть", т.-е. отнять; да и полиція не позволяетъ торговать: чуть что, и какой-нибудь дежурный дворникъ снимаетъ съ себя поясъ и разгоняетъ продавцовъ и покупателей, какъ стаю воробьевъ. И поэтому таковыя потребности Хитрова рынка обслуживаетъ рынокъ Толкучій, Толкучка въ просторѣчіи.

На Толкучкѣ всѣмъ верховодитъ особая корпорація Хитровскихъ выводковъ—„барыги" или барышники. Правда, болѣе зажиточные среди нихъ порываютъ всѣ связи съ „деревней", но огромное большинство живетъ на Хитровкѣ, если не въ ночлежныхъ, то въ коечныхъ квартирахъ.

Страшный и вмѣстѣ любопытный народецъ эти „барыги". Страшный, главнымъ образомъ, потому, что, имѣя 2 цѣлковыхъ оборотнаго капитала, они ухитряются тратить въ день на себя по 3-4 рубля, чего

честнымъ путемъ достичь, разумѣется, нельзя. „Барыга“ обязательно долженъ нажить на рубль два рубля; иначе ему пришлось-бы закрывать лавочку. Поэтому они прибѣгаютъ къ разнымъ позволительнымъ, по ихъ мнѣнію,—ставшему непреложнымъ закономъ на Толкучкѣ, — плутнямъ и фокусамъ.

Надо сказать, что барышникъ никогда не украдетъ у васъ, никогда не обсчитаетъ, вообще, не совершитъ явной кражи или обмана. Мало того, профессіональные воры, если и воруютъ на Толкучкѣ (я, впрочемъ, не знаю ни одного случая), то съ большой опаской и очень рѣдко.

Пойманнаго вора „барыги“ живого не отпустятъ. И воры отлично знаютъ это и предпочтутъ попасться хоть чорту въ лапы, только не барышникамъ, потому что тѣ, какъ и прочіе аборигены Хитровки, знаютъ всѣ „живыя“ мѣста у человѣка и могутъ отутюжить такъ, что битый мѣсяцъ проживетъ, и такъ, что и часа не продышитъ. На заказъ искалѣчить могутъ.

Но зато всучить сапоги съ картонными подметками вмѣсто кожаныхъ, мѣхъ, сшитый изъ тысячи вершковыхъ кусочковъ, безсовѣстно обезцѣнить продаваемую вещь—считается вполнѣ позволительнымъ и, съ точки зрѣнія барышнической этики,—честнымъ.

Обычная жертва „барыгъ“—это всякаго рода ошалѣвшій отъ опьяненія или похмелья сбродъ. На него изобрѣтена цѣлая система облапошиванія, и противъ этого несчастнаго сброда всегда дѣйствуетъ вся сплоченная масса барышниковъ.

Во всѣ стороны отъ Толкучки стоятъ аванпосты барышниковъ. По набережной рѣки Москвы, около Яузскаго бульвара; однимъ словомъ, по всѣмъ направленіямъ. И мимо нихъ не проскочитъ ни одинъ бѣднякъ, снявшій съ себя послѣдніе сапоги.

Его остановятъ, осмотрятъ вещь и дадутъ цѣну. И если жертва не согласится и пойдетъ дальше къ Толкучкѣ, то цѣна на продаваемый имъ предметъ будетъ съ каждымъ новымъ осмотромъ становиться все ниже, такъ что продавецъ, наконецъ, придетъ въ отчаяніе и отдастъ вещь за чудовищно ничтожную плату. Я пробовалъ дѣлать такія вещи: покупалъ за 1 рубль пиджакъ и черезъ десять минутъ предлагалъ его купить обратно лицу, продавшему мнѣ. И тотъ серьезно предлагалъ мнѣ 7 коп., да и то: „тебя жалѣючи“.

Сбываются пріобрѣтенныя вещи по воскресеньямъ разному рабочему люду, который и увозитъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ всѣ эти драгоцѣнности домой, въ деревню, гдѣ онѣ и остаются.

„Барыга“, о которомъ я говорю, началъ свою карьеру съ продажи собственной вышитой рубахи. Въ тѣ поры онъ только-что былъ изгнанъ изъ конторы одной изъ подмосковныхъ фабрикъ и очутился безъ гроша, съ больной отъ пьянства головой, на улицѣ.

Малый онъ былъ да и остался живой, юркій, обдѣлистый. Продавъ рубаху, онъ опохмелился и такъ какъ, очевидно, въ немъ была коммерческая жилка, на оставшійся двугривенный купилъ у

подвернувшагося пропойцы казенныя рукавицы съ клеймомъ работнаго дома и перепродалъ ихъ съ барышомъ. Потомъ поступилъ точно такъ же съ подержанными брюками, вытряхнувъ предварительно изъ нихъ населеніе.

На другой день онъ сунулъ подъ мышку кулекъ, низко опоясался. надвинулъ на самые глаза „елкасъ“ и вышелъ „базаритъ“. И въ скоромъ времени заторговалъ, какъ всѣ. Т.-е. работалъ, пока не накапливалъ рублей 50. Тогда бросалъ все и принимался пьянствовать. Пропившись до тла, снова брался за торговлю. Однимъ словомъ, какъ всѣ барышники.

— Вѣдь я, знаете, училище мѣщанское окончилъ,—разсказывалъ онъ мнѣ.—И на очень даже хорошемъ мѣстѣ служилъ. Въ конторѣ у Г. на фабрикѣ. Какъ-же. Только погуляли мы, конторщики молодые, неаккуратно. Были въ деревнѣ сосѣдей на праздникѣ, выпили и попались мастеру съ фабрики.А онъ доложилъ о насъ директору.

Тогда Г. призвалъ насъ, ругалъ долго, а потомъ приказалъ всунуть намъ брюки въ сапоги, надѣть фартуки и цѣлую недѣлю въ такомъ видѣ въ контору ходить. И спать не дома, а въ казармахъ съ рабочими.

Съ этого я и запилъ и едва-едва отъ Хитрова спасся.

А на новое мѣсто поступить, сами знаете, гдѣ ужъ съ нашимъ горломъ!..

„Барыга“ этотъ, опять таки какъ всѣ, обладаетъ необыкновенно цвѣтистымъ лексикономъ и

страшно свирѣпѣетъ, когда кто-либо обращается къ нему:

— Нѣтъ-ли савана подержаннаго?!

Торгуетъ онъ рѣшительно всѣмъ. И въ послѣдній разъ онъ попался мнѣ съ ржавымъ ведромъ, въ которомъ плавали горячіе, далеко пахнущіе сычуги.

— Только-что вышелъ. Закрутилъ-было, — кивнувъ головой на „товаръ", пояснилъ „барыга".

На мѣстномъ цвѣтистомъ нарѣчіи это называется „раздувать кадило". И я пожелалъ ему всякаго успѣха, ибо „барыга" — это, по-моему, въ средѣ нашей „злой роты", нѣчто вродѣ волка, мѣшающаго чрезмѣрному размноженію этого печальнаго вида.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Неудавшійся медикъ.	3
Фельдшерица .	8
Балда	12
Байрамъ	17
Машка .	23
Хозяинъ	27
Князь . .	32
Зимогоръ-Слонъ .	37
Поэтъ	43
Играющіе.	48
Фарисей	54
Барыня.	60
По письмамъ	65
Студентъ .	71
Пѣвецъ.	76
Артистъ	82
Бѣлыя спинки.	87
Куклима	93
Барыга.	99

Изданіе „ЗВЕНО“.
МОСКВА, Б. Никитская 20.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
БЕЛЬГІЙСКАГО ПИСАТЕЛЯ
КАМИЛЛА ЛЕМОНЬЕ
ПЕРЕВОДЪ
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ В. ФРИЧЕ.
Томъ I. САМЕЦЪ. Ц. 1 руб.
Томъ II. ПОСЛѢДНІЙ БАРОНЪ.
ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ:

Этотъ романъ (Самецъ) сразу обнаружилъ огромную наблюдательность и огромный описательный талантъ Лемонье, его мощный, богатый и красочный стиль. **Ж. Дестре.**

Типичный „эллинъ“ по своимъ воззрѣніямъ на жизнь и человѣческую натуру, выдающійся изобразитель могущественной, все побѣждающей любви и страсти, авторъ романовъ, возсоздающихъ бытъ буржуазіи и рабочаго класса—въ духѣ наиболѣе яркихъ произведеній Золя — Лемонье, безспорно, заслуживаетъ вниманія русскихъ читателей и появленіе собранія его сочиненій въ русскомъ переводѣ можно только привѣтствовать. (**Юрій Веселовскій.** Рус. Вѣдомости).

Лемонье въ исторіи новѣйшей бельгійской литературы занимаетъ среднее мѣсто между натурализмомъ и модернизмомъ. Въ своихъ крупнѣйшихъ произведеніяхъ онъ изображаетъ въ чисто натуралистическомъ духѣ современное капиталистическое общество. Основная идея, проводимая имъ во всѣхъ романахъ — вырожденіе классовъ, вызванное экономическими условіями и закономъ наслѣдственности. (**О. Волкенштейнъ.** Рѣчь).

Ц. 60 к.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ: КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ „ЗВЕНО“.
Б. Никитская, 20.